

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

© 2014 г. В.Б. КРЫСЬКО

ОБ ИЗДАНИИ СКИТСКОГО ПАТЕРИКА

В статье рассматриваются инновационные принципы и конкретные подходы к реконструкции старославянского текста, нашедшие отражение в трехтомном издании «Скитского патерика», подготовленном У. Федером.

Ключевые слова: старославянский язык, кирилло-мефодиевское наследие, памятники, издание, реконструкция, колляция

This article discusses innovative principles and specific approaches to the reconstruction of an Old Church Slavonic text, reflected in the three-volume edition of the Skete Paterikon prepared by William R. Veder.

Keywords: Old Church Slavonic, Cyrillo-Methodian heritage, writing monuments, edition, reconstruction, collation

Amicae Veritati

Ведущий нидерландский славист-медиевист Уильям Федер в 2012 г. издал в Амстердаме три монументальных тома «Скитского патерика» (далее СП) – плод сорокалетних изысканий¹. В Предисловии маститый автор подчеркивает, что в традиции изучения церковнославянского языка, в отличие от греческого и латинского, до сих пор отсутствовали издания т е к с т о в: исследователи ограничивались изданиями одной рукописи, в лучшем случае с аппаратом разночтений, который обычно не отличает первичное от вторичного; не было серьезных попыток проникнуть в царство т е к с т у а л ь н о й п а л е о н т о л о г и и (I, 7). Обсуждаемый труд провозглашается первым опытом такого исследования. Уже эти вводные замечания напрашиваются на возражения: достаточно вспомнить хотя бы подготовленное В.А. Семеновым издание Пчелы [Семенов 1893] и указатели к новому изданию этого памятника [Пичхадзе, Макеева 2008], классическое издание Хроники Георгия Амартола, осуществленное В.М. Истриным [Истрин 1920–1930], и недавнее новое издание этого же памятника, предпринятое В.А. Матве-

¹ The Scete Paterikon / Introduction, maps and indices by William R. Veder. 494 p.; Patericon Sceticum: Greek text. Latin translation of the 6th c. English translation of the Slavonic textus receptus / Ed. by Johannes G. van der Tak, William R. Veder. 724 p.; Скитский патерик: Славянский перевод в принятом тексте и в реконструкции глаголического архетипа / Изд. Уильям Р. Федер. 750 с. Amsterdam, 2012. (Pegasus Oost-Europese Studies; 12, 13, 14.)

Тома пронумерованы только номерами серии, в которой они изданы, – 12, 13 и 14; в дальнейшем мы будем ссылаться на них соответственно как на I, II и III с последующим номером страницы (через запятую). Ссылки на отдельные главы, апофтегмы и синтагмы («стихи») приводятся согласно нумерации, принятой в издании, по типу 1:2 (для кратких апофтегм) или 1:2:13 (для текстов, членящихся на множество стихов, и при точном указании на стих).

енко и Л.И. Щёголевой [Матвеев, Щёголева 2006–2011], новое издание Изборника 1076 г. [Мушинская и др. 2009], наконец, публикации Ильиной книги [Крысько 2005], сентябрьского Синаксаря [Пролог 2010; 2011] и реконструкцию старославянского канона Кириллу Философу (см. [Крысько 2013]), чтобы представить историю изданий церковнославянских текстов все же не в столь зачаточном состоянии: многие слависты, публикуя памятник по древнейшему или наиболее сохранным списку, отнюдь не останавливаются на перечислении разночтений, но именно стремятся отличить первичное от вторичного, нередко внося надежные конъектуры и тем самым восстанавливая «пра-текст» там, где публикуемый список отклоняется от исходного состояния. Однако издание У. Федера по своей смелости и решительности, действительно, оставляет всю предшествующую славистику далеко позади: голландский ученый полностью отказывается от воспроизведения каких бы то ни было рукописей, содержащих текст СП, независимо от их древности, полноты или предполагаемой близости к протографу: их текст в виде полной пофразовой коллажи опубликован (в объеме приблизительно 5 000 страниц!) в электронном журнале «Полата књигописана» [Veder 2006]², а обсуждаемый труд содержит, в несколько необычной последовательности, реконструкцию кириллического *textus hesertus* и глаголического протографа (т. III), воспроизведение (в основном по изданиям) греческих и латинских текстов и перевод реконструкции кириллического текста на английский (т. II), инципитарии – греческий, латинский и славянский – и указатель слов и форм к глаголическому тексту (т. I).

И том открывается Введением (I, 11–50), лапидарность которого, очевидно, продиктована принципом *sapienti sat*: в большинстве случаев идеи автора излагаются в виде постулатов, хотя порой и со ссылками на публикации – в основном, к сожалению, недоступные в Москве.

Скитский патерик – это принятое в современной науке название славянского переводного памятника, который включает значительную часть рассказов из греческого сборника, известного как «*Aprophthegmata Patrum*» (систематическое собрание) и содержащего повествования о жизни и изречения египетских пустынножителей III–IV вв.; см. [Николаев 1987: 321]. Сборник, составленный в V в., в его первоначальном виде не сохранился: опубликованные греческие тексты отражают более продвинутое издание, нежели латинский и славянский переводы. По мнению У. Федера (I, 25), достаточной иллюстрацией для этого утверждения служит тот факт, что в греческой традиции в одном из рассказов читается фраза *Ὁ Θεός, δὸς μοι ἰσχύς*, тогда как в славянском – *боже, даждь ми крѣпость*, что может восходить только к *δὸς μοι κράτος* – цитате из Септуагинты (Ps 85.16). Однако, не говоря уже о том, что в греческом тексте Псалтыри фигурирует *δὸς τὸ κράτος* (*κράτος* – существительное ср. рода III склонения), соотносительность слав. *крѣпость* именно с *κράτος*, а не с *ἰσχύς* вызывает сильнейшие сомнения: по крайней мере, в целом ряде славяно-греческих и греческо-славянских указателей параллелью к *ἰσχύς* является именно *крѣпость* [SJS, II: 80; Люсен 1995: 121; Christians 2001: 297; РГЦ: 240; Крысько 2005: 745; Пенкова 2008: 153].

Согласно У. Федеру, первоучитель Мефодий приобрел список греческого текста Патерика в Риме, вероятно, во время своего первого пребывания там, с кон. 867 до нач. 870 г., и перевел его на славянский в период своего заточения в аббатстве Рейхенау (870 – нач. 873 г.); исследователь поддерживает неоднократно высказывавшееся мнение о том, что именно СП упоминается как *отъчѣкъ кнѣгъ* в Житии Мефодия (гл. 15). Протограф славянского текста (условно обозначаемый как ω) был написан на архаичной форме глаголицы, а язык его характеризуется необычайным избытком форм винительного-именительного и перфективных имперфектов (типа *възидѣши* 20:3:73, *възитѣши* 4:2:4, *изидѣши* 11:58:2)³, а также не поименованных точнее «морфосинтакси-

² К сожалению, номера текстов и стихов в электронной коллажи и в издании не всегда совпадают, ср., например, 4:10:11 в коллажи = 4:10:9 в издании, 18.37 = 18.38, 20:13 = 20:15 и др.

³ Этот вывод, находящий весомую поддержку в тексте СП, подтверждает обоснованность на-

ческих особенностей», общих с переводом Номоканона, также приписываемым Мефодию (I, 32). В 886 г. ученики просветителя, изгнанные из Моравии, привезли протограф в столицу Болгарского царства Плиску, где была сделана «инновативная» глаголическая копия текста (Ѡ), к которой восходят по меньшей мере еще пять (но на самом деле явно больше) глаголических копий, изготовленных в Плиске и, после 893 г., в новой резиденции – Преславе; протограф, однако, был перевезен в Охрид либо св. Климентом в 887 г., либо св. Наумом в 893 г. и сохранялся там вплоть до 1394 г., когда город был захвачен турками. В Охриде с протографа было сделано еще 11 копий – одна глаголическая, остальные кириллические. В 969 г., взяв Плиску и Преслав, русский князь Святослав увез пять рукописей Патерика (ѠѢѢѢ) в Киев, где после 1036 г. они неоднократно транскрибировались на кириллицу: γ – три раза, а ѠѢѢ – по два раза каждая (I, 33; первая транскрипция копии Ѡ сохранилась в виде древнейшей рукописи A¹, см. ниже). Самое интригующее в этих построениях, поразительных по своей хронологической и фактологической определенности и категоричности (и потому крайне неординарных для доселе крайне осторожной славянской филологии⁴), – дальнейшая судьба глаголических списков на Руси: оказывается, вплоть до XVII в. у нас осуществлялись все новые и новые кириллические транскрипции глаголических рукописей (I, 36)! Не находя в обсуждаемом издании никаких аргументов и не располагая верифицируемыми сведениями ни о наборе книг, принадлежавших св. Мефодию, ни о составе Святославовых трофеев, ни о бытовании глаголических кодексов на восточнославянских землях, мы можем отреагировать на эти декларации разве что словами английского писателя Томаса Брауна, известными широкому читателю по эпиграфу к знаменитой новелле Эдгара По: «Что за песню пели сирены или каким именем назывался Ахилл, скрываясь среди женщин, – уж на что это, кажется, мудреные вопросы, а какая-то догадка и здесь возможна».

Что касается транскрипций, то методика выведения глаголических проточтений хорошо известна по многочисленным публикациям У. Федерера последних лет (см., в частности, новейшую работу [Veder 2014]): едва ли не все варианты, представленные по спискам того или иного текста, объясняются не языковым варьированием, не диалектными особенностями, не эволюцией фонетической и грамматической системы, а плохим знанием глаголицы – практически любая глаголическая буква могла смешиваться под пером неквалифицированных переписчиков-транскрипторов с любой другой буквой, так что и *кѣѣѣ* на месте *хѣѣѣ* и наоборот, и *-ѣѣ* на месте *-ѣѣ* (и наоборот), и *пѣѣѣ* на месте *пѣѣѣ*, и вокализация [jъ] > [je] в форме действ. прич. прош. вр. *пѣѣѣѣ* – всё это следствия ошибочного транскрибирования. С этими постулатами трудно спорить – прежде всего из опасения излагать трюизмы: в самом деле, неужели и русск. *крестьянин*, и польск. *Chrzyciel*, и русск., болг., сербохорв. *пѣѣѣѣ*, и варьирование падежей (естественно, не ограничивающееся формами на *-ѣѣ/-ѣѣ*) – только следствия катастрофического непонимания глаголицы монахами, переписывавшими болгарские рукописи? Неужели графические и орфографические варианты в списках Повести временных лет, вполне аналогичные разночтениям в письменной традиции болгарских по происхождению памятников (см., например, *бѣѣѣѣ* / *бѣѣѣѣ* / *бѣѣѣѣ* [PVL, 1: 42]), – тоже наследие глаголицы? Восхождение очень многих рукописей и конкретных чтений к глаголическим протографам несомненно (ср. хотя бы приводимый У. Федерером (I, 37) яркий пример отражения глаголического ѣ в рукописи XIV в.: *ѣѣѣѣ* на месте *ѣѣѣѣ* вследствие смешения ѣ и ѣ) – однако это важное наблюдение едва ли следует абсолютизировать, отыскивая след глаголицы буквально во всех языковых изменениях.

Два раздела Введения посвящены характеристике рукописей – сначала девяти несохранившихся, гипотетических (это уже упомянутые Ѡ и ѠѢѢѢ, а также Ѡ – глаголическая копия протографа Ѡ, более консервативная, нежели Ѡ, с – модернизирующая кириллическая редакция копии Ѡ и к – результат сравнения протографа Ѡ с

шего скептицизма относительно нередко декларируемого восточнославянского статуса подобных форм (см. [Пролог 2011: 829]).

⁴ Ср., например, рассуждения об истории преславской Библии в [Алексеев 1999: 139–140].

«не-итало-греческой рукописью» и транскрипции на кириллицу), а затем – восходящих к ним реально сохранившихся кириллических списков, которые разделены на девять групп – А, В, С, I, К, М, О, S и W. Древнейший список, А¹, датируется 1150–1250 гг. и определяется как «украинский» (!); кроме того, в издании использовано еще 28 списков – в основном восточнославянские (XIII–XVII вв., включая еще один «украинский» XIII в.), четыре болгарских (XIV в.) и шесть сербских (XIII–XIV вв.); один из списков, О², демонстрирующий на трех листах «прямую транскрипцию» глаголического кодекса о, в действительности является частью кодекса А¹, хотя и восходящей к иному антиграфу; кроме того, упомянуты еще несколько рукописей, почему-то не учитываемые в издании, в том числе вероятные «прямые транскрипции с глаголицы» (список Q, порой фигурирующий в коллациях, не идентифицирован ни в интернет-издании, ни в трехтомном труде). Аргументация в пользу глаголического происхождения тех или иных списков, как правило, не приводится. Весьма наглядно соотношение сохранившихся и несохранившихся списков представлено в стемме (I, 46), из которой явствует, что ближе всех к протографу стоят непосредственно переписанные с него восемь списков W¹–W⁸, все – южнославянские (W³ и W⁶ – болгарские, остальные сербские); прочие рукописи отделены от протографа как минимум одним промежуточным списком.

Весь этот впечатляющий корпус списков тщательнейшим образом обработан У. Федером, полностью введен в компьютер и, как уже говорилось, упорядочен в виде коллаций, доступной в Интернете. Принципы издания славянского текста, которое составляет III том, охарактеризованы в I томе: отдельные патериковые рассказы разделены на секции в соответствии с подразделением и нумерацией, принятыми в изданиях греческого текста, прежде всего в трехтомной публикации Ж.-К. Ги в «Sources chrétiennes», т. 387, 474, 498, 1993–2005 гг. (что, заметим, для слависта создает некоторые неудобства: вначале следует глава А, затем – I, потом В–G, затем 2–22 и наконец Н–О, а апофтегма 14:13 находится после 14:23). Узнать соотношенность каждого из разделов с конкретной рукописью можно только по интернет-изданию [Veder 2006], хотя найти нужный пассаж, например, на отрезке л. 107–123 или 100–117, разумеется, будет непросто. Кириллический *textus receptus* устанавливается для каждого повествования отдельно. Приходится констатировать, что, поскольку ни в одном из списков текст Патерика не сохранился полностью, а целый ряд апофтегм имеется лишь в минимальном количестве списков, неоднородность сводного текста неизбежна; в конечном итоге это все-таки не *textus receptus* в традиционном понимании – «общепринятый текст» или «текст большинства списков», а соединение чтений (нередко уникальных или даже не присутствующих ни в одном из списков), признаваемых издателем за первичные. В принципе У. Федер выбирает реконструируемые формы только из числа вариантов, реально засвидетельствованных в списках, в соответствии с их близостью к латинскому (восходящему к тому же греческому источнику) или более отдаленному греческому тексту; если «конфликт вариантов» неразрешим, издатель, по его словам, прибегает к минимальным конъектурам (правда, трудно признать «минимальной конъектурой», например, восстановление грецизма *санти* < *сѣтън* 17:11:7 там, где списки предоставляют только варианты *кѣрѣжъць*, *кѣрѣжѣнѣ*, *чѣвѣнѣ*, *кѣрѣжѣ*). Если все списки едины в каком-то чтении, оно сохраняется в реконструируемом тексте, даже если издателю очевидно, что это чтение вторично. Написание нормализовано, сокращения раскрыты. В аппарате приведены не все разночтения – издание отсылает к интернет-версии (впрочем, ряд любопытных вариантов все-таки приведен, например: *вельѣжда* → *вельѣлѣжа* → *верѣлѣжа* (III, 12), *мѣдно* → *мѣдльно*, *кѣсно*, *не скоро*, *в борѣ*, *везѣмно* (10:160)⁵, тогда как многие не менее интересные не упоминаются, ср. причастия *тызѣ* – *тѣа* (3:18), инфинитивы *тѣти* – *тѣти* (5:44)).

Глаголический *textus reconstructus* основывается на общих представлениях издателя о переводе Патерика; в нем восстанавливаются слова и формы, утраченные в

⁵ Видимо, такие замены служат основанием для никак не оговоренной конъектуры в кириллическом тексте – подстановки *мѣднѣ* (правильнее было бы *мѣднѣ*) на место реально зафиксированных *мѣдѣнѣ*, *мѣдѣнѣ*, *кѣснѣ* (14:2).

Как мы видим, в 20 списках зарегистрировано очень мало вариантных чтений: форме большинства списков **отъцѣ** в W² соответствует несклоняемый грецизм (из арамейского) **авва**, сигматическому новому аористу **прѣидѣ** – простой аорист **прѣидѣ** (W², W⁵, W⁶, W⁸). Издатель справедливо вносит эти редкие чтения, очевидно восходящие к протографу, в свою реконструкцию, а кроме того, снабжает иноязычные слова **авва** и **антонин** неорганическими редуцированными, отсутствующими в списках, в форму **прѣидѣ** вставляет второй **н**, а в существительное **братнѣ**, не знающее вариантов по спискам, – архаизирующий **ѣ** (заметим, однако, что этот **ѣ** вставляется не всегда, ср. сосуществование **братнѣ**, **братинѣ**, **братнѣ**, **братинѣ** и **братнѣ** в 4:29 и 4:30). Аналогичным образом восстановлен и глаголический *textus reconstructus* – с тем только отличием, что неорганические **ерѣ** и двойное **н** в глаголе опущены. С этой и большинством подобных реконструкций трудно не согласиться, и остается восхититься тщательности и трудолюбию издателя, взявшего на себя труд изготовить два идеальных текста одного памятника. До сих пор такая работа предпринималась – и то лишь на кириллице, и даже чаще в гражданском упрощенном шрифте – преимущественно в общедоступных, популярных изданиях или хрестоматиях при восстановлении исходного текста выдающихся произведений древнеболгарской и древнерусской литературы.

Некоторые конкретные издательские принципы вызывают возражения: так, трудно согласиться с отдельным написанием приставочных наречий, выступающих в публикации как сочетания предлогов с наречиями или с именами (**отъ дньсь**, **нз жть**, **вз ннж**, **вз жть**, **нз далече**, **до нтынѣ**, **вз прѣкты**, **ѣз предн**, **ѣз задн**, **нз взнѣждѣ**, **нз жтьрѣждѣ**, **ѣз вѣше**, **нз взнѣ**); в два слова превращается даже прилагательное **наѣзѣ** (или, как следовало бы написать по-старославянски, **наѣзѣ**⁸) ‘с пробивающимися усами’ (ср. [ЭССЯ, 22: 203; СЛРЯ XI–XVII вв., 10: 293]): **на ѣзѣ** (20:3:2).

Непоследовательно передается в кириллической реконструкции суффикс **-ѣн-** (в названиях людей и в относительных прилагательных): на фоне изолированных **ѣнѣннѣ** и **анѣннѣ** превалирует почему-то написание с **-ин-** (**китиннѣ**, **егупѣтиннѣ**, **мѣдиннѣ**, **оловиннѣ**, **древиннѣ**, **каминнѣ**, **травѣтиннѣ**), причем остается непонятной имплицитная йотированность и палатальность предшествующих согласных. Такой передаче, однако, противоречит реконструкция причастия **окамѣнѣ** (**же**) **ѣ** (5:46:15), ошибочно отнесенного в словоуказателе к глаголу **окамѣнѣти**: в действительности данный возвратный глагол очевидно образован от каузатива на **-нѣти** (о чем говорит исход основы причастия, где **-ѣ** < ***-i-us-**). Глаголы подобного типа могут образовываться либо от субстантивных, либо от адъективных основ (**охладѣти** / **омладѣти**). В нашем случае мотивирующей основой могло быть как существительное **камень** (и такое понимание отражают написания типа **шкѣменѣ** **же** **ѣ**), так и прилагательное **камѣнѣ** (что отражено в написаниях типа **шкѣменѣ** **же** **ѣ**); тем самым в рамках принятой в издании графической системы форму следовало бы восстановить либо как **окамѣнѣ** (**же**) **ѣ**, либо как **окамѣнѣ** (**же**) **ѣ**.

Порой реконструкция первоначальных чтений требует поистине филигранной работы издателя над измененными и искаженными чтениями списков – так, на месте многочисленных написаний **ѣдино** и единичного **шѣбѣ** (6:20; греч. кат’ *idiav*) У. Федер, опираясь на испорченное **ѣбѣбѣ**, обоснованно восстанавливает первичное **ѣбѣ** (вместо **ѣбѣбѣ**, см. ниже).

Нередко, однако, реконструкция носит произвольный, выборочный характер либо прямо некорректна. В некоторых случаях стремление к восстановлению идеальных старославянских форм приводит к выведению незафиксированных по спискам образований, призванных подтвердить постулат об особой архаичности языка СП, иногда из разночтений выбирается не древнейшее, а зачастую в восстанавливаемый текст вносится не просто незарегистрированная, но явно вторичная или даже ошибочная форма. Неправомерное редакторское вмешательство находит выражение на всех уровнях реконструкции – фонетическом, морфологическом, синтаксическом, лексическом и словообразовательном.

⁸ В словоуказателе дано под леммой **ѣзѣ**.

(в двух списках) и при отсутствии [н'] в письменной традиции; примечательно, однако, что существительное *лѣнѣсть*, мотивированное прилагательным *лѣнѣ*, сохраняется с правильным твердым [н] (не ***лѣнѣсть*). Единичное написание с ерем в одной из рукописей на фоне *ѣ* и *о* в других списках – не основание длямены редуцированного в корне слова *нѣмѣжданик* (1:55:26).

В контексте: *Чѣтырьми дѣлаѣтъ отѣмнѣваѣтъ ѿмѣ* (М:8) – глагол напрасно реконструирован с *ѣ* в суффиксе, без учета правильного написания с *ѣ* в списке W⁴ (итератив от глагола состояния *отѣмнѣти*); в принципе у издателя была и другая возможность для выбора – вариант W³ *отѣмнѣваѣтъ ѿмѣ*, т.е. возвратный глагол, образованный от каузативно-го итератива *отѣмнѣвати*, производного от *отѣмнѣти*, однако в этом случае обязательно было бы сохранение декаузирующего *ѿмѣ*.

Формы итеративных глаголов *помѣтати*, *нѣмѣтати*, в основном пишущиеся по рукописям с правильным *ѣ* (4:54; 11:107), не следовало бы заменять написаниями с *-мет-*.

Почему-то предпочтя форму *ѣмнѣнии*, фигурирующую в семи поздних списках, форме *ѣмнѣнии*, представленной в шести списках, включая древнейший, издатель во всяком случае не должен был реконструировать суффиксальный *ѣ* (*ѣмнѣнии* 7:33): и *ѣмнѣнии*, и *ѣмнѣнии* образованы от глаголов на *-ти* и, следовательно, содержат суффикс *-ен-*.

Напротив, в стихе 5:38:6 при реконструкции причастия *ѿмѣнѣ* издатель напрасно ориентировался на написания русских списков: южнославянские рукописи лучше сохранили суффикс *-ѣ-*, обусловливаемый основой инфинитива глагола *ѿмѣти*.

Правильная форма страд. прич. прош. вр. от глагола *прѣпѣрѣти* – *прѣпѣрѣнѣ*, сохраняющаяся в большинстве списков, в реконструированных текстах заменена на ошибочное *прѣпѣрѣнѣ* (18:4:17), как если бы причастие относилось к какому-нибудь ***прѣпѣрѣти*.

Среди ряда разночтений, отражающих уменьшительное от *варѣние* (13:4), очевидно, следовало бы выбрать вариант О: *варѣниѣ* (основа *варѣнѣ-* + суф. *-ѣ-*), а не контрагированную форму *варѣниѣ*.

Спорна реконструкция формы *вѣжгано* (В:22:29): несмотря на наличие ее в четырех списках, для старославянского мы скорее ожидали бы образования с III палатализацией (ср. в [SJS] *вѣжгати*) либо представленного в двух списках производного от иной основы – *вѣжгано*.

При регулярном различении в реконструируемом тексте твердого *ѣ* и *ѣ* со знаком мягкости, обозначающего палатальный, возникший по II и III палатализациям, следовало бы, по-видимому, учитывать и переход [о] > [е] после этого палатального, ср. *пользова* (О:6:11) вместо ожидаемого *пользѣва*, а также лемму *пользовати* в словоуказателе (I, 358; ср. [SJS, III: 146]).

В сфере именной морфологии обращает на себя внимание прежде всего декларированная во Введении многочисленность форм винительного-именительного, далеко не всегда подкрепленных материалом. Так, в апофтегме А:7 присутствует, в соответствии со списками, вин.-род. (*оставити*) *инѣго чловека*, тогда как в глаголическом тексте «восстанавливается» вин.-им.; единодушное *пыѣ* во всех списках удерживает издателя от эмендации в кириллической части (*пыѣ* *инѣ... прѣвелѣ* *инѣ* *кинѣ* 14:5), однако в глаголической реконструкции все же торжествует вин.-им. *пыѣ*. Наличествующий во всех (!) семи списках апофтегмы А:54 вин.-род. (*пѣмѣтъ брата*) *вѣлѣ(а)ѿда* (при четвертом упоминании верблюда в объектной позиции; во всех предыдущих случаях фигурировал вин.-им.) тем не менее в обоих *textus* заменен на *вѣлѣждѣ*; регулярное *инѣлѣщѣмѣ ѿ* в реконструкции превращается в *инѣлѣщѣмѣ бѣ* (10:96). Противоречивые показания списков, демонстрирующих, в соответствии с греч. 'Νρώτησεν... ὁ γέρων τὸν ἀδελφόν 'спросил старец брата', либо *вѣпроси брата старѣцѣ* (правильно), либо *вѣпроси брата старѣца* (ошибочно), интерпретируются как отражение форм на *-ѣ/-ѣ* в обеих позициях. Из двух варьирующихся по спискам оборотов – либо с им. п. подлежащего *старѣцѣ*, либо с вин.-род. дополнения *старѣца*: *инѣлѣщѣмѣ старѣцѣ* / *инѣлѣщѣмѣ старѣца* – конструируется «архаическое» *инѣлѣщѣмѣ старѣца* (17:29:10). На месте варьирующихся форм *единого*, *кѣрѣа*, *нѣко(ѣ)го*, *инѣго* регулярно восстанавливается нигде не зафиксированное *инѣ* (см., например, 7:1, 7:36, 9:17+19,

15:15, 15:71, 20:12). Отсутствующие в списках формы вин.-род. *ставъшъ, глаголющъ* реконструированы после вин.-род. (*внѣхъ*) *мжжъ, вѣлѣзъша* (20:15:45). Представленная во всех списках форма вин.-род. (*оклеветѣ*) *попа* (9:16) в глаголической части заменяется на *попѣ* – почему? Только потому, что в другом стихе (9:7) действительно отмечен вин.-им. (*погѣла*) *попѣ*? Но разве варьирование обеих форм аккузатива для кирилло-мефодиевского периода исключено и в языке Мефодия вообще не было категории одушевленности? По-видимому, для У. Федера – не было, иначе глаголическая реконструкция не пестрела бы ничем не подтверждаемыми формами вин.-им. даже от имен собственных: например, на месте вариантов *отца лота / мота* (второй первичен) в кириллическом тексте выводится *отца мота*, но в глаголическом – *авва мотни* (8:14), видимо, только на том основании, что в греческом фигурирует *τὸν ἄββᾶ Μάτῳν* (но почему же тогда не *матон* или *матожъ*?); кириллическому *разумѣнѣ истиннаго бога, сзѣдаващаго вѣси си* соответствует глаголическое *разумѣнѣ рѣнотнѣзи бѣ, сзѣдавашии вѣси си* (7:17:1), кириллическому *чисти цѣсарѣ* – глаголическое *чисти цѣсарѣ*. Одного или двух примеров с вин.-им. в списках обычно бывает достаточно, чтобы реконструировать такую форму для протографа – но не наоборот: наличие формы (*дръжан*) *огла* в двух списках, близких к протографу, – О и W² (19:21A:23) – никоим образом не рассматривается как свидетельство его наличия в первоначальном тексте. Симптоматично, что для придания стройности общей картине господства вин.-им. издатель превращает в аккузатив и явную форму номинатива при пассиве: греч. *εὐρέθη ἔσω λέων* ‘обнаружился внутри лев’ (19:18) в большинстве списков передается страдательным же оборотом *обрѣте сѣ жтръ лѣвъ*, однако в реконструкции *сѣ* отпадает и возникает парадоксальная фраза: *Старѣца... вѣнде въ знои въ врьтѣпѣ, и обрѣте жтръ лѣвъ, и начатъ скръжѣтати зжѣты на нь, и рыкати букв.* ‘Старец вошел в жару в пещеру, и нашел внутри льва, и начал скрежетать на него зубами и рычать’.

На этом фоне особенно удивительно «восстановление» инновационных флексий; так, *-ѣ* в мест. ед. **jo*-склонения (*о... бѣвѣзшии*) *крѣстохранитѣлѣ* В:26 – фиктивная форма: во всех списках – род. *крѣстохранитѣла*, явно восходящий к переводу, который в данной позиции, в отдалении от предлога, сохранил греческий генитив при *περί*; вин. мн. *жидовѣ* D:5 – результат обобщения парадигмы **и*-склонения по формам им. и род. *жидовѣ, жидовѣ*; дат. ед. *зѣтеви* D:13, *господеви* 15:47 – следствие перехода **i*-основных существительных в **о*-склонение, ставшего возможным только после падения редуцированных и совпадения палатальных и вторично смягченных согласных (в глаголическом тексте реконструируются *геср. зѣтеви* и *гѣ* вместо ожидаемых *зѣти* и *гѣ*); при наличии в трех списках мест. п. *о гѣ* O:50:10 в кириллическом тексте напрасно восстанавливается *господѣ* (ср., однако, правильные *кѣ господи* 22:16:21, род. *господи* J:19–20, а также дат. *господи* N:1:3, N:4:2, реконструированный на месте реальных *гѣви* и *гѣ*). Совершенно непонятно, почему форма мест. п. от *мелхиседека* – повсеместно представленная *мелхиседецѣ* – в обоих *textus* и в словоуказателе эмендирована как *мелхиседеци*, с флексией мягкого варианта. Противоречие между кириллической и глаголической реконструкциями дат. п. – *геср. монсеви* и *мшувѣи* (7:46:3) – могло бы быть устранено, если бы в *textus* *гесерѣ* была учтена (или хотя бы упомянута в аппарате) форма одного из архаичных списков – W⁴, сохраняющая, хотя и в сочетании с предлогом, исконную флексию: *кѣ монсѣи*. В контексте: *дрѣво нарече дѣшѣ, секътрѣ же бѣси* (O:52) очевидно выступает двойной винительный, так что форма им. п. *бѣси*, при наличии в двух списках правильной флексии *-ѣ*, явно ошибочна.

Фигурирующая в списках апофтегмы 4:69:4 форма *хѣбѣца* относится к существительному *хѣбѣцѣ*, которое так же принадлежит к муж. роду, как и его мотивирующее *хѣбѣ* (ср.: *крыло – крыльцо, окно – оконце, но двор – дворец*), и поэтому в контексте (*омочи нама*) *хѣбѣца* в соответствии с греч. мн. *ἄρτους* следовало бы восстановить флексию вин. мн. мягкого **о*-склонения *хѣбѣца*.

Большей последовательности, по крайней мере в глаголической реконструкции, хотелось бы при восстановлении форм консонантного склонения. Действительно ли в языке Мефодия сосуществовали локативы *вѣрѣмене* (В:5) и *отрочати* (В:7)? У нас нет так-

же уверенности, что в IX в. южнославянский диалект, положенный в основу старославянского языка, уже характеризовался полным вытеснением исконной формы род. мн. **дѣнѣ** инновационным образованием по **i*-склонению **дѣннѣ** (ср. В:14): по крайней мере, сохранение консонантной флексии, в особенности при числовых обозначениях, в древнейших памятниках славянской письменности [Diels 1932: 164] заставляет отнестись к показаниям существенно более поздних списков СП с настороженностью. Смещение редуцированных в рукописях приводит к неверной реконструкции в стихе 11:106:2, где в качестве род. мн. восстанавливается форма **прамень** – при наличии в списках правильного и исконного для согласного склонения **праменѣ**. Не стоило вносить в реконструируемый текст – коль скоро он в других позициях ориентирован на «идеальное» состояние, не испорченное инновациями, – форму **миродръжителемѣ** (К:25), с вокализованным [ъ] > [е] во флексии, вместо исконной консонантной формы **миродръжительмѣ**. Не вполне надежна реконструкция аналогической формы дат. мн. с консонантным наращением **дрѣвеемѣ** (по данным двух списков) vs. исконного **o*-основного **дрѣвѣмѣ** в большинстве списков в соответствии с греч. τῶν δένδρων: как показывают другие переводные памятники, слово **дрѣво** в ед. ч. вполне могло, употребляясь в собирательном значении, использоваться для передачи греческого мн. ч. (см. [Пролог 2011: 90]).

Инновационный вин.-род. **лнѣзвѣ** введен в реконструкцию стиха М:6: (**Чѣтырьми дѣлѣсты душа оскверниакѣтѣ** см...) **ѣже имѣти лнѣзвѣ съ славѣныими** (так и в глаголическом тексте). По спискам, однако, фиксируется в основном род. п. при отглагольном существительном (**имѣнькѣмѣ лнѣзвѣ**), а конструкция, калькирующая греч. τὸ ἔχειν φίλιαν, наблюдается лишь в списке W⁴, где, однако, протограф явно искажен введением ненужного отрицания (**ѣже не имѣти**), которое и спровоцировало замену первоначального ***лнѣзвѣ** формой генитива.

Существительное (по семантике – местоимение) женского морфологического рода **онѣица** напрасно утрачивает в кириллической реконструкции склонение (в глаголическом тексте оно элиминировано и возведено к **онѣ**): вместо **ѣ онѣица** (1:57), **онѣица** (В:21; τοῦ θεῖνος) следовало бы восстановить **ѣ онѣицаѣ**, **онѣицаѣ** (и, конечно, не определять эти формы в словоуказателе как аккузатив).

Вызывает недоумение словосочетание (**плѣты ѣлннѣ смѣхѣ** (5:27): коль скоро **ѣлннѣ** ‘пальмовая листва’, как явствует из словоуказателя, – *plurale tantum* ср. рода, может ли оно сочетаться с определением в явно не среднем роде, которое имеет флексию -ѣ абсолютно во всех списках? В русско-церковнославянском окончание -ѣ (после мягких согласных) / -ѣ / -ѣ, как известно, может относиться к существительным всех трех родов; в южнославянских списках, однако, два написания однозначно свидетельствуют в пользу ср. рода (болг. **тѣлѣ**, серб. **тѣлнѣ**), а еще два – в пользу не среднего (болг. **тѣлѣж**, серб. **тѣлнѣж**). Последние два написания, вкупе с наличием мужской или женской флексии -ѣ в прилагательном, побуждают нас допустить в этом редком заимствовании родовую вариативность, а применительно к рассматриваемому случаю восстановить словосочетание **ѣлннѣ смѣхѣ**.

Сомнительна реконструкция относительно позднего местоименного склонения и вне родовых именных, а также членных форм у прилагательных и причастий: **о бѣывѣшемѣ** 1:48 (при наличии более древнего **бѣывѣшимѣ** в списках), **о кѣнижнѣномѣ словеси** 1:66, **о... словеси кѣнижнѣномѣ** 15:91 (в списках есть -ѣмѣ), **кѣ ногѣмѣ кѣнѣжѣмѣ** В:23 (отмечено только в списке XIV в., при исконном именном образовании на -ѣмѣ в двух списках, включая древнейший, А¹); **днѣвоимѣ прѣлѣщеннѣмѣ** В:25 (при -ѣмѣ, восходящем к исконному -ѣмѣ, в одном из списков); **днѣшѣмѣ члѣвѣчнѣмѣ** 3:39 (при **члѣвѣчѣмѣ** в списках); **мѣшѣмѣ възрождѣмѣ** 3:95.

Выбирая между двумя лексемами со значением ‘ближний’, варьирующимися по спискам апофтегмы 17:17, – **блнжннѣ** и **искрѣннѣ**, У. Федер предпочитает вторую, однако восстановление конкретной формы мест. ед. муж. рода, в которой выступает это членное прилагательное, проблематично: на месте разночтений (о) **искрѣнѣмѣ**, **искрѣнѣмѣ**, **искрѣннѣмѣ**, **искрѣнѣмѣ**, **искрѣнѣмѣ**, **искрѣннѣмѣ** в реконструируемом тексте выводится **искрѣнѣмѣ** – форма

с окончанием твердого варианта вместо ожидаемого **нскръннѣмь** или совсем уж архаичного **нскръннѣмь** (см. [Вайан 1952: 148]).

Из двух реально зарегистрированных по спискам форм – прилагательного **болнаго** и причастия **болнаго** (17:29) – в обоих восстанавливаемых текстах конструируется немислимая **болнаго** (видимо, от несуществующего членного прилагательного **болни**).

Вызывает возражения выведение сравнительной степени **нищни**, совпадающей с положительной степенью, и тем более ее глаголического варианта **нищен**. Прилагательное **нищѣ**, относившееся к неподвижному акцентному типу (парадигма *a* [Зализняк 2011: 87]), должно было образовывать компаратив с помощью форманта **-ějъs-* [Дыбо 2000: 210], т.е. **нищан**. Знаменательно, однако, что из 23 списков стиха 3:67:1 форма **нищни** представлена в 4 (+ 1 **нищен**), **нищан** (точнее, вторичное **нищаѣ**) – в 1 (причем XVI в.), а **нищѣн** (**нищѣк**) – в 3; дважды зафиксирована положительная степень **нищѣ** (W⁵: 6); в остальных 12 случаях фигурируют различные формы компаратива от **ѡбогъ**, очевидно, заменившего первичное прилагательное **нищѣ** уже на ранней стадии бытования текста (так, **ѡбожан** присутствует в W⁴ – «прямой транскрипции» протографа (I, 43), впрочем, содержащей, как и другие списки этой группы, вопиющие отклонения от первоначального текста, ср. хотя бы **златика** на месте реконструируемого **кълазѣ** в 6:26). В списках стиха 3:67:3 **нищни** наблюдается 7 раз, **нищѣк** – 5, а формы прилагательного **ѡбогъ** – 11 (в том числе один раз **ѡбѣгъ** без **тѣбѣ**). Наличие в материале явных форм положительной степени (**нищѣ**, **ѡбѣгъ**) и формы **нищни**, которая в принципе является членной формой положительной степени, хотя и может быть воспринята как компаратив типа **ващни**, **лищни**, **ѡшни**⁹, согласуется с показаниями греческого текста, который в обоих случаях демонстрирует положительную степень **πτωχός** – естественно, без генитива объекта сравнения. Это обстоятельство побуждает предположить, что в переводе присутствовало точное морфологическое соответствие оригиналу – положительная степень **нищѣ** в предикативном употреблении (Ἐὰν ἐνέγκῃ σοὶ ἀδελφὸς ἀγάπην, καὶ οἶδας ὅτι πτωχός ἐστιν – ***аще принесетъ ти братъ любавъ** и **вѣши** **яко** **нищѣ** **кѣтъ**; ὅτι πτωχός ἐστι – ***яко** **нищѣ** **кѣтъ**), которая на ранней стадии трансмиссии была заменена членной формой **нищни**, воспринята как сравнительная степень и поэтому снабжена родительным прикомпаративным, отсутствующим в оригинале, – **тѣбѣ**.

При наличии в списках правильной формы им. ед. муж. рода сравнительной степени **вѣшни**, согласованной с подлежащим **другънъ**, для восстановленного текста зачем-то выбрана вторичная форма ср. рода **вѣше**, почерпнутая из позднейших русских списков: **и кѣтъ же пакты другънъ** **кѣнного** **прѣгъшени** **вѣше** (I:1:41), причем в словоуказателе эта форма определена как мужской род.

В членных формах им. мн. действ. причастий в кириллической реконструкции совершенно последовательно восстанавливается флексия **-ни**, тогда как списки порой сохраняют и исконное окончание **-ѣи** (ср., например, 1:32 **любавѣи**, B:5 **жщѣи**, B:25:21 **облазгавѣи**).

Издатель напрасно пренебрег чтением большинства списков, демонстрирующих, в соответствии с греческим, ед. ч. **сѣходѣи** **кълазѣ** (3:100), в пользу варианта XIV–XV вв. **сѣходѣи** **кълазѣ**, с изначально невозможным для мн. ч. окончанием причастия (которое в глаголическом тексте эмендировано на **-ла**).

На месте правильного локатива (**въ**) **въсѣмь** (**лѣтъ**), написанного во всех списках с этимологическим **ѣ**, в кириллической и глаголической реконструкциях появляется форма **въсѣмь** (A:43:11), причем в словоуказателе она трактуется как твор. падеж (I, 204).

Нет уверенности, что в языке Мефодия уже существовали и тем более исключительно использовались получившие впоследствии значительное распространение ана-

⁹ Форма **ѡшъни**, засвидетельствованная в списках апофтегмы 1:4 и соответствующая вторичному подвижному акцентному типу прилагательного **ѡшъ** [Дыбо 2000: 220], заполняет лакуну в истории форм сравнительной степени, так как до сих пор по памятникам фиксировались только образования с суффиксом **-ějъs-* [Кузнецов и др. 2006: 301].

логические формы типа мест. п. **чесоуь** (нн о **чесоуьже** 4:35, о **чесоуь** 10:51 при наличии по спискам исконого **чемоуь**).

Устойчивые затруднения вызывает у издателя склонение числовых слов: так, вместо на **четуьри деауе** (1:62) следовало бы реконструировать правильную форму вин. мн. **деауи** (кстати, имеющуюся в двух списках), вместо **сзтвоуь четуьре мѣсаца** (1:76) – **четуьри** (как в списке А¹) и во всяком случае не определять эту форму в словоуказателе как номинатив, а чтению болгарского списка XIV в. по **шеуи деауиуь лѣтѣ**¹ (6:24) – на фоне превалирующего цифирного обозначения по **ѣтѣ** – конечно, не стоило бы придавать статус исконого (таковым являлось по **шеуи деауиуь лѣтѣ**). Совершенно невозможна в старославянском конструкция **четуьри деауи лѣтѣ бѣхуь** (11:44): слово **деауи** должно согласовываться с **четуьри**, т. е. стоять в род. мн. – **деауи** (эта исконая форма сохранена двумя списками группы С, в которых, однако, искажено предшествующее слово – **четуьри**); чтение единственного списка XV в. **вѣ вѣхуь два деауи лѣтѣхуь подвигохуь са** (L:27), безусловно, нельзя было в неизмендированном виде переносить в реконструкцию, где ожидалось бы **дѣвом деауиуь лѣтѣ** / **лѣтѣ** (в кириллическом тексте – **дѣва деауи лѣтѣхуь**, в глаголическом – **обон деауи лѣтѣ**!).

Конечно, особенно затруднительна реконструкция при неясности текстуальных свидетельств, к тому же не совпадающих с показаниями греческого и латинского. Так, загадочная фраза **вѣ тѣпѣнни печалѣнѣи сѣдци и тѣмници** (1:13:6) сформирована на основе двух разночтений: **в тѣпѣнни печалѣнѣи сѣдци и тѣмници** и **вѣ тѣпѣнѣи печалѣнѣи сѣдци и тѣмници** (в колляции без титл). Греч. *ἐν ὑπομονῇ θλίψεως καρδίας καὶ φυλακῆς* букв. 'в претерпевании печали сердца и темницы' и лат. *in patientia, in tribulatione cordis et observationis* букв. 'в терпении, в терзании сердца и наблюдения', как нетрудно убедиться, не могут быть напрямую сопоставлены ни с одним славянским чтением. Несомненно, однако, что словораздел, проведенный в колляции и перенесенный в реконструкцию, – **печалѣнѣи** – неприемлем, так как создает ни с чем не согласованную по роду членную форму прилагательного. По-видимому, к протографу должна возводиться именная форма **печалѣнѣи**, согласующаяся с **тѣпѣнни** и представляющая собой обычную передачу греческого генитивного определения (*θλίψεως*); таким же прилагательным был, по-видимому, переведен и следующий род. п. (*καρδίας* – **сѣдчѣнѣи**); что же касается последнего существительного, то оно, судя по данным списков, осталось, как это нередко бывает в переводах при дистантном расположении членов предложения и словосочетания, в той же форме дат. п., какой обычно передается греческий генитив (**тѣмници**).

В сфере глагольной морфологии и ориентация на реально зафиксированные формы в *textus reserutus* приводит к сосуществованию в нем явно разновременных образований – в частности, простых аористов (**обсѣтѣж**, см., например, 4:64, **ндоуи** 17:24:13), сигматических аористов (17:24:16 **ндохомѣ**, 4:63 **прѣнѣсѣ**, 4:77 **зѣнѣсѣ**, 14:28 **начѣсѣ**) и сигматических аористов с аналогическим -ш- в 3 л. мн. ч. (4:64 **начѣшѣ**, 4:77 **зѣнѣшѣ**, 15:8 **прѣнѣшѣ**), хотя в глаголическом прототексте эти противоречия сглажены: например, на месте **полакошѣ** восстанавливается **полажѣ**, на месте **начѣшѣ** – **начѣсѣ**, на месте варьирующихся в одном и том же микротексте (B:23) **ѣмрохуь/ѣмрѣхуь** – только **ѣмрѣхуь**, а соседствующим в одном стихе 14:27:21 вариантам **бѣнѣѣ** – **бѣхѣѣ** в *textus reconstructus* соответствует **бѣнѣѣ**.

Противоречия списков, демонстрирующих в стихах 6:8:26 и 6:8:28 имперфекты **прѣношѣшѣ**, **прѣношѣшѣшѣ**, **прѣношѣшѣ**, **прѣнѣѣшѣ**, **прѣношѣшѣ**, разрешаются в реконструируемых текстах путем восстановления формы **прѣношѣшѣшѣ**, парадоксальным образом сохраняющей суффикс -ѣш- в образовании от основы на -и- (**прѣношѣи**); очевидно, однако, что редкие примеры **прѣношѣшѣ** и **прѣношѣшѣ** отражают позднейшее обобщение основы, устраняющее морфонологическое чередование /ш/. Правильные формы аориста от **прѣстѣѣи** – **прѣстѣѣшѣ**, **прѣстѣѣ**, фигурирующие в целом ряде списков, почему-то заменяются на аналогические образования с презентным вокализмом **прѣстѣѣшѣ**, **прѣстѣѣ** (15:12:27, 18:4:29, 22:18:26), а в глаголическом тексте 15:12:27 восстановлен вообще невозможный в данном типе глаголов простой аорист **прѣстѣѣж** (ср. [Ван-Вейк 1957: 311, 338]); эта системная ошибка перенесена и в словоуказатель, где выделена лемма **прѣстѣѣи**.

Ряд спорных решений касается глагольных основ. Так, в реконструкции и словоуказателе не учитывается древнейшее спряжение глагола **жати** 'собира́ть урожай' по III классу, а потому игнорируется (и не упоминается в аппарате) фигурирующая в нескольких списках исконная форма **жнѣща** < **жнѣща**, подменяемая вторичной **жнѣща** (4:22). Из реально зафиксированных по спискам вариантов **нежѣжнѣмѣ** / **нежѣжнѣмѣ** (пищѣ) У. Федер выводит «исконную» форму **нежѣжнѣмѣ** (А:19), в которой немислимым образом совмещаются краткостный вокализм основы и итеративный суффикс **-aj-**. При этом вариант **нежѣжнѣмѣ** даже не указан в аппарате разночтений, хотя первичной представляется именно эта форма – образование от **-жнѣти** [Дыбо 1981: 238], в поздней традиции текста замененное образованием от **-жнѣти** (ср. цепочку **жнѣти/жнѣжнѣти/жнѣжнѣти/жнѣжнѣти** – **жнѣжнѣти/жнѣжнѣти**). Сходная подмена реального иллюзорным наблюдается в апофтегме 1:4, где на месте причастия **прѣчѣжнѣши** < **прѣчѣжнѣши**, которое засвидетельствовано во всех списках и образовано от глагола **прѣчѣжнѣти**, хорошо документированного памятниками (см. [СДРЯ, 8: 641–642]), выводится причастие прош. вр. от итератива **прѣчѣжнѣши**. Итератив **покажнѣти**, **-кажнѣти**, в полном соответствии с данными большинства списков, следовало бы вводить в реконструируемый текст с закономерным продленным вокализмом **-а-**, а не в виде **покажнѣти** (С:0), **покажнѣти** (7:29), ср. [СДРЯ, 6²: 736]. Непонятно, почему из вариантов **гонѣти** – **жнѣти** для реконструкции выбирается первый и отвергается второй, зарегистрированный только в списке W² (7:42), тогда как уникальные чтения того же W² **мамѣти**, **мамѣти** vs. **жрѣти**, **жрѣти** в других списках признаются исконными. Супин **прѣчѣжнѣти**, восстанавливаемый в 6:25:16, не находит поддержки в традиции текста: большинство списков отражает более древнюю основу данного глагола (**-жнѣти**), хотя обычно и в инфинитиве, а в трех списках представлен и рефлекс, более близкий (за вычетом смещения редуцированных) к исконному супину, – **прѣчѣжнѣти**, **прѣчѣжнѣти** (< **прѣчѣжнѣти**).

Крайне необычно выглядит форма повел. накл. **нажѣти**, которая, хотя и наблюдается в списках с XV в., безусловно является рефлексом первоначального **нажѣти** (от **нажѣти**), а в письменной традиции апофтегмы 1:43 знаменует инновацию – замену первоначального **нажѣти** (от **нажѣти**), также встречающегося в рукописях (ср. аорист **нажѣти** 5:46:31, справедливо отнесенный в словоуказателе к **нажѣти**). Однокоренной глагол **жнѣти**, к сожалению, остался нераспознанным в стихе 21:17:3, демонстрирующем по спискам три презентные формы – **жнѣти**, **жнѣти** и **жнѣти** (из первичного **жнѣти**), на месте которых издатель, даже не упоминая о наличных вариантах, восстанавливает несуществующее **жнѣти** (а в словоуказателе помещает эту форму под таким же нереальным инфинитивом **жнѣти**).

При наличии в двух списках исконной формы императива от **ложѣти** – **ложѣти** (17:14) – представляется излишней модернизация **ложѣти**, отражающая влияние I–II классов. Правильная форма императива не распознана и в стихах N:14:2 и N:14:8, где списки содержат, помимо исконного **вжѣти**, также вторичные **-жѣти** и **-жѣти**; на их месте, однако, в реконструкции появляется невозможное отинфинитивное **вжѣти** (как если бы это была форма глагола ****вжѣти**).

Из двух вариантных форм инфинитива – **пожѣти** A¹ / **пожѣти** (остальные списки) – для кириллической реконструкции почему-то избрана вторичная, хотя в глаголическом тексте фигурирует исконная **пожѣти** (15:10b). Наличие в поздних списках (при отсутствии ранних) вторичного инфинитива **почѣти** также едва ли должно было отражаться в кириллическом варианте старославянского текста (в глаголическом – правильное **почѣти**, см. А:35:46).

Отмеченное во всех пяти списках апофтегмы 1:38 и естественное для XV–XVI вв. написание **вѣшнѣти**, передающее вокализацию редуцированного в прилагательном **вѣшнѣти**, не следовало бы сохранять в обеих реконструкциях и тем более трактовать в словоуказателе как причастие от **вѣшнѣти** (таковое звучало бы как **вѣшнѣти**, ср. **вжѣти**, **жнѣти**).

В контексте **имѣти же ножѣти** и **рѣжѣти** (15:60:12) настораживает невозможная в старославянском форма **рѣжѣти**, которой в глаголической реконструкции противопоставлен правильный аорист **рѣжѣти**. В большинстве списков присутствует именно **рѣжѣти**, однако

сербский список W⁴, где форма оканчивается на -ѣ < -а, показывает, что здесь мы имеем дело с причастием. Это предположение подтверждается греческим: Εἶχε δὲ τὴν μάχαιραν κόλτων τὸ ὀψάριον. Тем самым эмендированный текст, опирающийся на списки, в которых сказуемое выражено имперфектом, а избыточный союз отсутствует, должен был бы выглядеть как *и^мѣашѣ же ножъ · рѣжа рѣбѣж.

В соответствии с греческим причастием διηγούμενος (5:42:30) многочисленные списки, сохранившие данную апофтегму, демонстрируют различные чтения – повѣда, повѣдаше, повѣдаашѣ, повѣашѣ, показѣ. На месте этих однозначных финитных форм издатель реконструирует форму повѣдѣ, определяемую в словоуказателе как им. ед. муж. рода причастия прош. вр. от глагола повѣдѣти. Однако такое причастие было бы возможно только от глагола **повѣти, до сих пор, насколько нам известно, нигде не встречавшегося, а у глагола повѣдѣти причастие прош. вр. образуется от основы инфинитива, т. е. в данной позиции мы ожидали бы форму повѣдѣвѣ. Но и эта форма никак не выводится из письменной традиции текста. По нашему мнению, союз же, не имеющий параллели в греческом и латинском, но выступающий в большинстве списков после следующего далее (практически безвариантного) предиката глѣше, позволяет заключить, что в протографе перевода были представлены две спрягаемые формы, связанные противительным же: *повѣда глаголаашѣ же.

Весьма сомнительная форма похощѣшж реконструирована в глаголическом тексте в соответствии с греч. θέλουσαν ‘желающую, взыскующую’ (1:18:11; во всех списках – только существительное (по)хотѣнник): от глагола похотѣти причастие прош. вр. возможно только с основой инфинитива – похотѣвѣшж, а для незафиксированного похощѣшж пришлось бы придумывать столь же незафиксированный инфинитив **похотити.

В стихе 11:105:2 совершенно напрасно на месте практически единогогласных показаний списков, демонстрирующих прич. наст. вр. от лѣжати – лѣжа (правда, с незтимологической заменой ѣ на ѣ в некоторых рукописях), реконструируется несуществующая форма с носовым лѣжа, определяемая в словоуказателе как прич. от лѣши. Однако у последнего глагола прич. наст. вр. должно образовываться от основы презенса, т. е. лѣг-, и с обычным для I класса суффиксом -ѣ < *-ont-s, т. е. лѣгѣ.

Странная форма обнмѣ (18:45:49) – согласно словоуказателю, якобы прич. прош. вр. от обѣти – введена в реконструкцию вместо реально засвидетельствованных вариантов с начальными обѣ-, обѣ-, обѣ-, обѣ-, причем в четырех списках архаичной группы W наблюдается обѣ- – весьма древний вариант приставки. При ориентации на этот вариант причастную форму следовало бы восстановить как обѣнмѣ (или, с обозначением напряженного редуцированного посредством н, как обннмѣ), а инфинитив – как обѣяти. От глагола с безъеровым префиксом обѣ- – обѣти – соответствующее причастие могло бы выглядеть только как обѣмѣ, но ничего похожего в письменной традиции апофтегмы не отмечено.

Без тщательного сравнения с греческим оригиналом весьма трудно говорить о точности синтаксической реконструкции – однако такое сравнение, безусловно, не входит в наши задачи. Тем не менее ряд сомнительных решений бросается в глаза даже при чтении кириллического текста.

Так, не убеждает реконструкция анаколута в контексте: о прѣнѣти страннѣшнѣ братѣхъ (13:2) – с аномальной формой мест. п. братѣхъ вместо род., вероятно, спровоцированной предшествующим предлогом о и амбивалентной формой род.=мест. страннѣшнѣ. В списке W³, более точно, нежели все прочие списки, следующем здесь греческому оригиналу (τῆς ὑποδοχῆς τῶν ξένων ἀδελφῶν), фигурирует род. мн. братин, который издавна употреблялся параллельно с формами ед. ч. данного собирательного существительного [Иорданиди, Крысько 2000: 163; Пролог 2011: 823] (ср. прѣдошж · ѣ братен в О:1:3 по тому же списку); в группе С – видимо, вторично – согласование выровнено по ед. ч.: страннѣшнѣ братѣа. Заметим, что предлог о в этом контексте, очевидно, выступает в значении ‘во время’ [СДРЯ, 5: 463]¹⁰ = ἐν τῷ καιρῷ, ср. греческий оригинал и версию W³:

¹⁰ Ср. еще у А.К. Толстого («Отрывок», 1871): «Видно, все, и с квартирьерами, Провалились на мосту, Что построен инженерами О великом о посту!».

действительно подтверждается большинством рукописей, в одном из архаичных списков – W² – фигурирует дательный притяжательный **чнцѣмь**, который, на наш взгляд, в синтаксическом отношении и наследует переводу, лексически сохраненному другими списками, – ***мзнихомъ**; именно эта форма заслуживала включения в оба реконструированных текста, а отнюдь не испорченное **мзнихи** и тем более не малореальный посессив **мзниха**.

Несомненное лексическое богатство СП не следовало бы пополнять и некоторыми другими сомнительными образованиями. Так, безосновательна реконструкция формы **ввиннати** (18:35) на месте **ввинати** во всех списках – это не существительное **ввинна** (I, 407), а правильный датив от хорошо известного neutrum **ввинна** (см. [Miklosich: 826; СлРЯ XI–XVII вв., 23: 164]). Ничем не обосновано выведение имперфекта **цѣплахъ** (тем более соотношенного с инфинитивом **цѣпнѣти** (I, 479), от которого имперфект был бы **цѣплахъ**) на основе разноречивых показаний шести списков апофтегмы 1:42, демонстрирующих следующий контекст (в круглых скобках – кириллическая реконструкция): <монахи> (**отъ шестакго часа до деватакго чѣтѣхъ** · и **взвнжъ** **сѣѣѣ**) **жѣ** **блху** / **дѣлаху** / **зѣ** **бѣху** / **здѣ** **блху** / **зѣ** **блху** / **зѣ** **блху** (как видим, никакого **цѣплахъ**). Думается, издатель, следуя за искаженным написанием **здѣ** **блху**, напрасно разделил в колляции явные моноксемные формы **жѣ** **блху**, **зѣ** **бѣху**, **зѣ** **блху**, которые в свете греч. ἔσχιζεν (ед. ч., в греческом речь идет об одном монахе) – от σκίζω ‘рвать, щипать’ – логично интерпретировать как континуанты ст.-слав. **зѣбѣхъ**, ср. в Супрасльской рукописи **зѣти** ‘рвать’ [SJS, I: 692]¹¹.

Не находит подтверждения в истории текста странная форма притяжательного прилагательного (по) **непрнѣзнихи** (**напѣзненнѣ**), восстанавливаемая в издании на месте реально зафиксированных чтений **дѣваволи** и **по непрнѣзнихи** (а также синтаксически преобразованного **непрнѣзнихи напѣзненнѣ**); думается, что для реконструируемого текста со значительной долей вероятности можно было бы вывести форму, присутствующую в Апостоле, на который ссылается У. Федер, ср. 2 Фес 2.9 по древнейшему списку Христинопольского апостола XII в.: **по дѣланнѣ непрнѣзнихи** [Kałużniacki 1896: 217].

Преобладание по спискам глагола **калѣтисѣ** ‘soil oneself’ в контексте: и **калѣтисѣ** **сѣ** **ввинна** **по сѣдѣ** **нхъ** **плѣнѣ** **сѣрада** (18:29:4) – vs. **валѣтисѣ** **сѣ**, пожалуй, не должно быть решающим фактором при отборе исконного чтения: греч. куλιω в медиопассивном значении ‘валяться’ не имеет семы ‘пачкаться’, имплицитруемой корнем **кал-**, и во всех древнейших переводах регулярно передается глаголом **валѣтисѣ** [СДРЯ, 1: 371; Люсен 1995: 139; Крысько 2005: 684]; появление варианта с **к-** очевидно обусловлено конситуативными обстоятельствами, ср.: **ввинна**, **ѣзмѣвѣши** **сѣ** **въ калѣ** **тиннѣ** 2 Петр 2. 22 [Kałużniacki 1896: 91], акы **свинна** **въ калѣ** **грѣховнѣ** **присно калѣющесѣ** **ЛЛ 1377, 56 об.** [СДРЯ, 4: 196].

При общей ориентации реконструируемого перевода на восстановление грецизмов, даже при отсутствии их в письменной традиции, некоторым диссонансом выглядит приписывание первоначальному тексту слова **грано** на месте греч. στίχος (20:3:72, 73) – только на основании того, что в списке W⁴ в соответствии с (по **шести**) **стиховъ** и (по **единному**) **стиху** всех остальных списков выступают **гранесѣ** и (**единно** – эмендировано на **единномъ**) **гранѣ** (в глаголическом тексте эмендировано как **гранесѣ**).

При ориентации на древнейшие формы следовало бы учесть (к сожалению, даже не оговоренные в аппарате) показания двух списков, содержащих исконное образование **нѣмрътисѣ** (3:97), которое изменилось в **нѣмрътисѣ** под влиянием **нѣмрътѣ** [Вайан 1952: 278].

Неясно, по какой причине предлог **квоѣ**, именно в такой форме (либо с упрощением трехконсонантной группы: **коѣ**) фигурирующий в старославянских памятниках, в реконструкциях систематически имеет огласовку **квоѣ**, присутствующую только в сербских списках и явно представляющую собой поздний сербизм.

¹¹ Изменение **зѣбѣхъ** > **зѣблху** находит объяснение в свете того обстоятельства, что в глаголических надписях Древней Руси наблюдается «свободная мена букв **ѣ** **а** и **а** **ѣ** / **ѣ** / **а** в результате восточнославянского совпадения **ѣ** с **а** (в результате деназализации гласного **ѣ**)» [Михеев 2012: 93].

Непонятно, почему чтению трех списков архаичной группы W – *нзмѣниши* (даже не оговоренному в аппарате) – предпочтен вариант *нзмѣниши* (4:5), отражающий распространение суффикса *-ова-* в древнеболгарских текстах, см. [Иовчева 2009].

В стихах 18:40:6 и 18:40:12 большинство списков, в соответствии с греч. ἀμελής, содержит форму положительной степени – бессуффиксную и, вероятно, первичную *лѣнз* либо суффиксальную *лѣннвз*; реконструкция, однако, ориентируется на группу C, где выступает компаратив *лѣннвѣн/-к*, и содержит совсем уж нигде не зафиксированную форму *лѣнѣн*.

Никак не объяснено появление в обоих реконструированных текстах существительного *мѣдрѣтво* в соответствии с τέχνη на месте реально засвидетельствованных вариантов *хѣдожьство*, *хѣтрьость*, *ненѣтовъство* (7:17:19) и *хѣдожьство*, *хѣтрьость*, *лѣло* (10:56:2). Примечательно, что в некоторых списках в двух стихах использованы различные синонимы – например, в A³ и B² геср. *хѣтрьость* и *хѣдожьство*, в K² – *хѣдожьство* и *хѣтрьость*. Исключается ли лексическое варьирование в переводе? Следовал ли Мефодий раз и навсегда найденным единственным эквивалентам к определенному слову? То же касается пары *озъватисл* – *оѣзмѣтисл*: во всех (нередких) случаях употребления первого глагола он заменяется в реконструкции вторым, хотя далеко не всегда традиция текста свидетельствует в пользу замены.

Трудно согласиться с реконструкцией существительного *цвѣтъ* в контексте *вз малѣ цвѣтъ краѣтъ* (F:1:3): в соответствии с греч. πρὸς βραχὺ θάλλει καὶ ὠραϊζέται (однородные сказуемые в форме наст. вр.) здесь естественно было бы ожидать соположения двух глагольных форм. Текст сохранился в четырех поздних восточнославянских списках, причем в двух из них существительное написано с конечным ъ. По-видимому, *цвѣтъ(ъ/ь)* – это искажение первоначального **цвѣтетъ* = θάλλει.

Четыре одинаковых написания в восточнославянских списках O:51:2 – *рѣбичнѣ*, с обычным патронимическим суффиксом *-ич-* в древнерусской огласовке, – эмендированы в кириллическом тексте в форме *рѣбичнѣж* (ср. невозможные ***Саввычна*, ***Никитычна*) – вероятно, под влиянием глаголической реконструкции *рѣбичнѣж*, явно более близкой к оригиналу (τὴν δοῦλην).

Непонятно, почему глаголы *посагати* и *посагнѣти* ‘выходить / выйти замуж’, засвидетельствованные десятками примеров в старославянских и древнерусских памятниках и именно так регулярно пишущиеся в списках СП, в реконструкции сменили корень и совпали с *посагати* / *посагнѣти*.

Загадочные формы наблюдаются в «Слове св. Макария об умилении», к которому не найдено ни греческой, ни латинской параллели. Стих K:47 в коллации разночтений демонстрирует обескураживающую вариативность. В двух списках группы A фраза начинается словами *хощеши навѣки нѣти*, в пяти списках групп B, M и W после *хощеши* фигурирует условное *ли*; объектом к *навѣки нѣти* во всех этих списках является *воли*, и только в A² отмечено искаженное *воли*. Далее следует определение к ‘воле’ – A² *си нѣтрьпеченѣ*, A³ *не нѣтрьпечнѣ*, B¹ *не нѣтрьпечнѣ*, B² *не нѣтрьпечнѣ*, B⁴ *не нѣтрьпечнѣ*, M¹ *но жтрь печалнѣ*, W⁴ *не нѣтрь печалнѣ*. Все эти чтения, явно в той или иной мере испорченные, У. Федер возводит к форме вин. жен. рода прилагательного *не нѣтрьпечнѣ*, которое в переводе толкуется как «unbridled», т. е. ‘необузданный, неукротимый’, а в словоуказателе – как «untamed?» ‘дикий, неприрученный’. И реконструкция, и толкования вызывают возражения. Восстанавливаемая финаль *-нѣнѣ* предполагает, что разбираемое слово образовано от какого-то существительного на *-нѣ* (ср.: *гнѣнѣнѣ*, *конѣнѣнѣ*), – но это едва ли возможно. Вероятнее мотивационная связь данного прилагательного с глаголом *нѣтрь(п)нѣти* ‘ослабеть’ [Срезневский, III: 1323] (ср. [SJS, IV: 715]) – а следовательно, значение его можно определить как ‘неослабный, неослабевающий’, причем словообразовательной морфемой, скорее всего, послужил редкий суффикс *-нѣнѣ*, зафиксированный в старославянском в дериватах от глагола *принѣти* – *принѣнѣнѣ*, *благопринѣнѣнѣ*. Таким образом, «воля», о которой идет речь в контексте, имеет позитивную коннотацию¹², что объясняет

¹² Ср. в гимнографическом тексте: (мученики явили) ἀκατάληκτον ψυχὴν, φρόνημα ἀήττητον, γνῶμην ἀνένδοτον [AHG, II: 246] ‘неустрасимую душу, разум непобедимый, волю неослабеваю-

вторую часть фразы, которая в большинстве списков выглядит так: *ѣже [А² си же] аще не сътворимъ не спсѣемъ сѧ*. Однако в списке W⁴ частица *не* отсутствует – явно в результате пропуска, так как при этом сохранен род. п., обусловленный отрицанием: *киже аще створимъ то не спсѣемъ се*; тем не менее это очевидно ошибочное чтение спровоцировало издателя на маловероятную реконструкцию: *кѣже аще створимъ · не спсѣемъ сѧ*, где *кѣже* – результат смещения носовых в форме род. п. *кѣже* – превращено в синтаксически неуместный твор. падеж. Начальная форма стиха также, на наш взгляд, требует эмендации: в анализируемом контексте неуместен не только условный союз *ли*, но и форма наст. вр. *хощеши*. Думается, что в письменной традиции поучения она сменила первоначальную форму императива *хощи*, которая уже в старославянских памятниках смешивается со 2 л. презенса [Вайан 1952: 289]¹³, ср. в стихе К:48 по списку W⁴: *всхощи ꙗко исправити добру дѣтель* vs. *всхощеши* в других списках¹⁴ (к сожалению, вторичное *всхощеши* перенесено в реконструкцию). Тем самым текст стиха может быть восстановлен в следующем виде: **Хощи навъкижти волюк неупръпичьж · си же аще не створимъ · не спсѣемъ сѧ* ‘Выработай неослабевающую волю: если мы этого не сделаем, не спасемся’¹⁵.

Весьма сложный случай представляет стих 10:39:1, где в соответствии с греч. *εις Ἡρακλέος [scil. πόλις] τὴν κάτω* ‘в Нижний Гераклеополь’¹⁶ списки демонстрируют либо пропуск (группа В), либо различные искажения топонима – обычно с финалью *-тти*: (*вз*) *иклевѣтти*, *иклевѣтти*, *иклевѣтти*, *иклевѣтти*, *иклевѣтти*, ближе всего к оригиналу стоят чтения W² *въ иклевѣтти* и W³ *иклевѣтти*; адвербиальное определение либо опускается (группы В и С, список W³), либо передается посредством адвербиального же *низъ* или прилагательного *низкѣ* (W²). У. Федер эмендирует эти варианты как *въ иклевѣтти низъ* – при том что ни греческий, ни общая семантика фразы не дают оснований для вставки указательного местоимения. Думается, что переводчик воспринял *Ἡρακλέος τὴν* как вин. п. несуществующего топонима *Ἡρακλεοστὴν* по типу *λεντήκοστὴν*, что и объясняет склонение *иклевѣтти* по образцу *платикостѣ* (очевидно, из первоначального грецизма *иклевѣтти*, ср. *марини* в Синаксаре [Пролог 2011: 801, 812]). Правда, возникает вопрос: мог ли св. Мефодий не распознать топоним пятисотлетней давности и принять артикль за финаль существительного? Однако без анализа переводческой техники СП авторство перевода остается гадательным.

В рассказе о видении адских мук (18:45:57) из пяти основных вариантов: (*видѣхъ своихъ матеръ... огонь*) *палаци* / *полаци* / *гораци* / *пални* / *жегоми* (в греч. *φλεγόμενῃ*) – У. Федер избирает для реконструируемого текста форму *палаци*, в результате чего оказывается, что грешница «палила» (кого-то) огнем, вместо того чтобы самой быть сжигаемой адским пламенем. Очевидно, те немногие списки, в которых зафиксирована эта форма, смешали два образования – глагол состояния *палѣти* ‘пылать, гореть’ и каузатив *палити* ‘жечь’. При выборе из двух вероятных кандидатов на реконструкцию – *полаци* и *пални* – возможно, следовало бы ориентироваться на второй вариант, морфологически более близкий к греческому пассиву, хотя наличие чтения *полаж* в списках групп О и W, наименее отдаленных от протографа, свидетельствует в пользу именно этого

щую’.

¹³ Ср. также три примера *хощи* в Успенском сборнике, которые в словоуказателе интерпретированы как «пвл. ед. 2 л.» [Усп. сб.: 734], но в действительности выступают в качестве форм наст. вр.

¹⁴ Аналогично в Супрасльской рукописи: *всхощти ꙗко и тѣ тожде мѣдровати* [Супр: 2.7] (*θέλησον*); и *не всхощти безъоднѣ ождантѣ себе* [Супр: 269. 14–15] (*μὴ θέλησῃς*).

¹⁵ В списках группы С непонятное прилагательное элиминировано, синтаксис упрощен, а ситуация переосмыслена с точностью до наоборот: и не нѣмѣмъ своихъ вола · но вѣ на ѣа възложимъ, – что и отражено в английском переводе, заменяющем императивы оригинала риторическими вопросами: «Would you acquire an unbridled will, through which, if we do [it], we will not be saved...?» (II, 667).

¹⁶ *Ἡρακλέους πόλις ἢ κάτω* (или *μικρά*, *Heracleopolis parva*) – город в Нижнем Египте, в восточной части дельты Нила, недалеко от Пелузии [Smith 1854: 1050; LÄ: 1127]. *Ἡρακλέος* – ионическая форма род. п. от *Ἡρακλῆς* ‘Геракл’, отличная от аттической *-έους* [LS: 777]. В издании СП (I, 258; II, 308) город назван Гераклеей (*Heraclea*).

варианта (ср., впрочем, единодушную передачу той же формы $\phi\lambda\epsilon\upsilon\omicron\mu\acute{\epsilon}\nu\eta\nu$ в 18:45:65 как $\phi\omicron\rho\iota\mu\iota\mu\iota$ – с калькирующим присоединением пассивного суффикса к непереходному глаголу, греческий оригинал которого может выступать в обоих значениях – как ‘жечь’, так и ‘гореть’).

Ряд вопросов вызывает подача стиха 16:4:4, в котором излагаются слова «завистливо-го старца» отцу Иоанну Колову. Согласно греческому тексту, старец сказал: «Τὸ βαυκάλιον σου, Ἰωάννη, φαρμάκων ὑέμει» (II, 496)¹⁷ ‘Сосуд твой, Иоанн, полон яда’. В славянских списках первая часть фразы и заключительный глагол передаются без вариантов: **чаша твоѧ** **ноуѧ**... **ѣсть**, тогда как в именной части сказуемого варьируются формы **ч(ѣ)р(ѣ)п(ѣ)на**, **чрѣпина**, **чер’пина**, из которых первая отражает южно- и восточнославянские написания прилагательного **чрѣпѣнѧ** ‘глиняный’, вторая – существительное ‘черепок’ [Срезневский, III: 1540], а третья, известная только по русскому списку конца XV в., скорее всего, является индивидуальной переделкой первой, воспринятой как причастие (однако от **чрѣти**, **чрѣж** образуется причастие **чрѣпѣнѧ**, а от **чрѣпати**, **чрѣпѣж** – **чрѣпанѧ**). Кириллическая реконструкция демонстрирует в этой позиции грамматически несообразное написание **чрѣпина**, которое в словоуказателе аграмматично трактуется как прич. прош. от **чрѣпати** (т. е. ‘чаша твоя исчерпана’?), а глаголическая – прилагательное **чрѣпѣнѧ** (ср.: **чрѣпѣнѧ** ‘глиняный сосуд’ [Срезневский, III: 1539]). В английском переводе (II, 496) выбрано весьма многозначное слово ‘drawn’, причем славянское чтение, отличающееся от греческого ‘poisoned’, возводится к «помете читателя в протографе ѿ». Таким образом, первоначальное чтение перевода остается неясным; более того, совершенно непонятно, почему ожидаемое в соответствии с $\phi\alpha\rho\mu\acute{\alpha}\kappa\omega\nu\ \upsilon\acute{\epsilon}\mu\epsilon\iota$ словосочетание ***зѣлѧ нпѧнѧ** / **пѧнѧ ѣтъ** удостоилось маргиналии **чрѣпѣнѧ**. Позволим себе предположить, что славянские чтения воспроизводят не дошедший до нас вариант греческой рукописи, где на месте $\phi\alpha\rho\mu\acute{\alpha}\kappa\omega\nu\ \upsilon\acute{\epsilon}\mu\epsilon\iota$ выступало ***ὄστρακόν ἐστι** ‘(Твой сосуд –) глиняный черепок’ = **чрѣпина ѣтъ**.

Значительные трудности для понимания представляет фраза **братѧ обидѣ** (10:170:5), которая выведена в реконструкции на основе следующих вариантных чтений (графические варианты не приводим): 1) **братѧ обидѣ ѧ**; 2) **братѧ**; 3) **братѧ обидѣ(н)ѧ**; 4) **братѧ н’ ѡбидѣ**; 5) **братѧ ѡбидѣ нхѧ**; 6) **братѧ ѧ обидѣ**. Подчеркнем, что ни в одном из списков глагольная форма не оканчивается на **ѣ**, как в реконструированном тексте, – между тем, по-видимому, именно имплицитруемая подменой буквы замена **обидѣти** на **обидѣти** позволяет издателю приписать этой форме значение «were aghast» ‘были ошеломлены’, хотя, разумеется, у переходного глагола **обидѣти** нет такого значения: данное толкование подходит не к славянскому слову, а к греческому пассиву $\epsilon\sigma\kappa\omicron\tau\acute{\omega}\theta\eta\varsigma\alpha\nu$ букв. ‘омрачились’. Едва ли приемлема и координация собирательного **братѧ** с ед. ч. сказуемого. Наибольшую близость к первоначальному чтению сохранили, по нашему мнению, те списки, в которых глагольной форме предшествуют слова **братѧ** и **братѧ ѧ**: последняя гласная в этих написаниях воспроизводит исконное местоимение **ѧ** ‘их’ (замененное на **нхѧ** в группе W), а **братѧ** (и далее **братѧ**) представляет собой искажение существительного **мракѧ**, передающего корень греч. $\sigma\kappa\omicron\tau\acute{o}\omega$. В целом, как можно предположить, греческая форма была передана в славянском описательным выражением ***мракѧ ѧ обидѣ** ‘мрак их охватил’ (ср. ст.-слав. **омрачати**, **омрачити** – $\sigma\kappa\omicron\tau\acute{\iota}\zeta\epsilon\iota\nu$, $\sigma\kappa\omicron\tau\acute{\alpha}\zeta\epsilon\iota\nu$, $\sigma\kappa\omicron\tau\omicron\nu$ [SJS, II: 542]); на очень ранней стадии бытования текста ***мракѧ ѧ** было заменено на **братѧ**, возможно, для восполнения позиции подлежащего, которая не была занята в предшествующем контексте: **и тако постигшиѧ пръвѧи днь**.

II том издания, как уже говорилось, включает иноязычные тексты – греческие, латинские и английские. В I томе (с. 50) с сожалением отмечено, что Хансу ван дер Таку, соиздателю II тома, не удалось «локализовать» греческий текст 21 апофтегмы (их номера перечислены); в списке апофтегм (I, 78) под рубрикой «Slavic translation only» фигурируют еще около 40 патериковых текстов, не названных на с. 50¹⁸; при обращении ко II тому обнаруживается еще целый ряд микротекстов, не поименованных ни в том,

¹⁷ Слова, выделенные курсивом, якобы являются цитатой из Иак 3. 8; в послании, однако, такого текста нет.

¹⁸ Однако к тексту 1:64 тем не менее приведены и греческая, и латинская параллель (II, 58).

ни в другом списке, – видимо, потому, что они известны по армянским, латинским, сирийским или еще каким-либо версиям, совершенно нерелевантным для славянского перевода (А:5 12 18 24 29–31 42 46 49 53, 1:47 50 54 71 и т. д.). Таким образом, медиевистам предстоит еще большая работа по отысканию греческих источников – причем не по фундаментальным публикациям, а по неописанным доселе рукописям. Ссылки на издания греческих текстов даны во II томе крайне экономно, преимущественно по номерам апофтегм, что заставляет в поисках той или иной публикации буквально перерывать указатели в I и II томах; не очень ясно, для каких целей даются ссылки на древние восточные или современный французский переводы многих рассказов. В целом, однако, сводную републикацию греческих текстов – источников Скитского патерика нельзя не признать весьма полезной для исследования памятника, и прежде всего для изучения переводческой техники, актуальность которого после издания СП стала совершенно очевидной (и которое, на наш взгляд, должно было предшествовать этому изданию).

Существенно менее очевидна значимость параллельной публикации латинского текста, которая, как представляется, имеет смысл только в тех (кажется, немногих) случаях, когда он содержит чтение, более близкое к славянскому, нежели сохранившийся греческий. Так, например, в стихе 18:45:14 сообщается, по детским воспоминаниям некоей старицы, что ее мать, блудница, тѣло... вое... вздавала въ пѣстошн. Греческая параллель – τὸ... σῶματι... ἐκέχρητο букв. ‘использовала тело’ – едва ли могла послужить источником славянского перевода, между тем как латинский перевод *corpore... in turpitudine abutebatur* ‘употребляла тело для непристойности’ содержит такую же предложно-падежную форму, как и славянский. В большинстве случаев, однако, исследователь-славист не может почерпнуть из латинского никакой информации. Более того, сопоставляя греч. Λέγει ὁ ἀδελφὸς τῷ γέροντι, слав. глагола братъ старѣцѣ и лат. *Interrogavit frater senem, dicens* (L:7) и многие подобные параллели, мы не можем не прийти к выводу об избыточности и даже дезориентирующей роли латинского текста. Совершенно достаточно было бы в тех случаях, когда славянский отличается от греческого, но совпадает с латинским, проиллюстрировать это в примечании.

Перевод кириллического *textus receptus* на английский язык, естественно, воспроизводит не только удачные находки реконструкции, но и проблематичные пассажи, о которых речь уже неоднократно шла выше. Порой перевод (который мы, разумеется, не просматривали сколько-нибудь основательно) отражает весьма дискуссионное понимание славянского текста, не явствующее из самой реконструкции. Так, например, вызывает сомнения толкование глаголов *рѣстворити*, *рѣстворити* и *рѣстворити* как «орен» ‘открыть’: дело в том, что такое значение у *рѣстворити* – позднее, обязанное своим возникновением переработке глагола *отворити* ‘открыть’ – образования с приставкой *от-*, связанного по происхождению с *воръ* ‘ограда, забор’ [СДРЯ, 1: 477] и далее – с литов. *atverti*. «Первонач. *ot-voriti было позднее воспринято как *o-tvoriti» [Фасмер, III: 170], вследствие чего и появились *зѣстворити* и *рѣстворити* (впрочем, зафиксированные уже в старославянском, в частности, *рѣстворити* – в Супрасльской рукописи). Указанные глаголы фигурируют в СП в следующих контекстах: *свѣтѣльнѣи же огнь въ сѣднѣ сѣбѣ хранилаше· елѣи приливала· и рѣстварѣла съ вѣрху· да не иугаснетъ* (5:46:49); *свѣтѣльнѣи рѣстворенъ· и свѣтъ· аще обѣниши сѣ приливати кѣмъ масла· по малу иугасаетъ* (11:78:3); *мышь крѣпѣицъ истрѣгнѣти хотѣши· низъвержетъ и свѣтѣльнѣи· и аще иже зѣданъ [‘слеппен (из глины)’] бѣдетъ· тогда зѣкроушнѣ сѣ· аще ли же мѣданъ· обрѣтенъ господь· рѣстворнѣ сѣ съ вѣше* (11:78:6). Последний стих особенно информативен: очевидно, что противопоставление действий, которым подвергнется упавший светильник, не шло по линии ‘(глиняный) разобьется’ – ‘(медный) откроется’. В греческом во всех трех случаях употреблен глагол *σκευάζω*, который, при всей своей многозначности, никогда не выражал значения ‘открыть’, но – ‘подготовить’ (в частности, к функционированию)¹⁹, т. е., в данной ситуации, ‘наполнить маслом’. Славянские переводчики иногда передавали этот глагол и производные посредством лексем *рѣстворити* и т. п. (обычно использовавшихся в значе-

¹⁹ Ср.: «...supply... dress up... rarely of things» [LS: 1607].

нии 'смешать (о приготовлении снадобий)' ²⁰, например: оудобъ ксть повелѣвающему. и оуготовано свѣтомъ [т. е. свѣтомъ]. и раствараемо. (παρεσκευασμένον) ГЛ XIV, 1926 [СДРЯ, 10: 267] (ср. перевод Л.И. Щёголевой: «...удобно для Повелевающего, и предопределено (Его) волей, и устроено» [Матвеевко, Щёголева 2011, 1: 322]). В Патерике затруднение переводчика дважды вызвало наречие ἄνωθεν, которое, помимо основного значения 'сверху' (переданного в СП – съ врьху, съ выше), имеет также значение 'заново' (что, к сожалению, не оговорено в английском переводе): в первом контексте речь идет о том, что монах постоянно приливал масло в светильник, заново наполняя его, чтобы он не угас, в третьем – о том, что упавший медный светильник, поднятый хозяином, будет заново наполнен.

Возвращаемся к I тому. Большую его часть занимает словоуказатель к славянскому переводу, включающий 4405 лемм, из которых, как особо подчеркивает У. Федер (I, 154), 1076 не зарегистрированы в «Старославянском словаре» [ССС] (все они помечены астерисками, например, алѣкота, алѣфавитъ, анаѡма, баньнъ, баниъ, безвѣтъно, безглабнъ, безгубнѣ, безмногѣдъ, безмизвѣннѣ, безмизвѣно, безмизвѣтнѣ, беспечалнѣ, беспрѣстаннъ, бестрашнѣ, бестрашнѣ, бестрашнѣ, бестрашнѣ и т. д.). При этом, правда, неясно, почему издатель ориентировался именно на московский словарь, отражающий исключительно лексику ограниченного круга канонических старославянских рукописей, а не на пражский «Словарь старославянского языка», в котором существенно более широко представлена лексика текстов, восходящих к кирилло-мефодиевской эпохе, и не учитывал фиксацию многих лексем в словаре Ф. Миклошича [Miklosich] и в трех русских исторических словарях [Срезневский; СлРЯ XI–XVII вв.; СДРЯ]. Между тем сведения о наличии тех или иных слов в славянской лексикографии никоим образом не принизили бы значение богатейшего лексикона СП, так как в очень многих случаях употребления в Патерике на несколько столетий опережают данные словарей. По крайней мере несколько слов, отмеченных в тексте, в словоуказателе не учтены: мы не нашли там ни глаголов ѿмрътѣти и ѿмръщѣти, ни существительного ѿмрътѣнѣ (см. некоторые примеры выше); не учтены и многообразные и весьма интересные лексические варианты, отличающиеся от реконструированного текста.

Для каждого слова, данного в начальной кириллической форме, приводится минимальное английское соответствие. Каждая лемма, кроме наиболее частотных слов и форм (например, союза и, им. п. мѣннѣхъ, местоименных форм ми и ма, предлога о с мест. п.), снабжена полным перечнем всех словоупотреблений. При изменяемых словах приведены по алфавиту все словоформы с грамматической характеристикой и точными адресами (по типу А:9:1), причем сочетания глаголов с отрицательной частицей не даются отдельно (например, не обличаше – до обличаше). Одно важное обстоятельство, к сожалению, не оговорено: грамматические характеристики, как правило, относятся не к кириллическим формам, приведенным сначала, а к глаголическим, следующим за грамматическим определением, так что читатель не может не смущаться такими, например, дефинициями, как анѣтоннѣ D (в глаголической реконструкции – антонин), арѣсени L (resp. арсени), брашнѣ L (resp. брашнѣ), да бандѣтъ ѿ imp3 (resp. банди ѿ), бѣ pa.mN (т. е. прич. прош. действ. муж. им.) vs. бзѣвъ, вндѣ sup vs. вндѣтъ, въздвижаахъ aor1 vs. въздвигъ, близнѣаго mD vs. искрѣннѣи, виннѣ D vs. вини и т. д. Последние примеры показывают, что под леммой совсем не обязательно приводятся формы только заголовочного слова: лексемы глаголической реконструкции, отличные от кириллической, также даются под кириллической леммой; так, в частности, под леммой божни обнаруживается форма божнѣ с глаголической параллелью чловѣчѣ, под братѣ – кириллическое брати и глаголическое рабѣ, под глаголати – кириллическое глаголю и глаголическое азъ, под отѣцъ – помимо заглавного слова, формы существительных авва и старѣцъ, под нѣкъзи – главным образом формы местоимения ннѣ; напротив, форма им. п. нон приведена под леммой нок, ориентированной на глаголическую реконструкцию. Узнать о том, где можно найти

²⁰ Ср.: како врачъ быльа растварама (κατασκευάζων) ПНЧ XIV, 5в; растворениѣ питѣихъ земли (σκευασίαι) ГЛ XIV, 211а [СДРЯ, 10: 269, 267].

основании единственного употребления в списке W² *шпѣтрень* и, как считает издатель, вытеснено в других списках формой *отшпѣтанъ*, во всяком случае не следовало бы соотносить с инфинитивом *опытѣти*: причастия на *-енъ* возможны только от глаголов с основой на согласный либо на *-и-*. Форма прич. наст. вр. *шпѣтнѣ* не может относиться к парадигме глагола *шпѣтити*, но только к *шпѣтити*; впрочем, в контексте: (монаху следует) *шкѣлѣти ꙗко чловѣчскаго разума · да помысли шпѣтнѣ ꙗко · разумъ божи въселитъ ꙗко* (L:28:3), реконструируемом по единственному списку XV в., на наш взгляд, произведен неверный словораздел; хотя греческий источник этой апофтегмы не обнаружен, вероятным представляется сочетание страдательного причастия с родительным удалительным: *помысли шпѣтнѣ ꙗко* 'освобождаемому от помыслов'.

Не свободен указатель и от явных опечаток: так, форма *мѣтъѣж* определяется как им. п., *виши* – как инфинитив, *въждѣтъѣж* – как 2 л., *възможтъѣж* – как аорист, *вънидѣж* – как 1 л. императива, *котоуактъ ꙗко* – как дв. ч. аориста, *кромольницѣ* – как дат. п., *нареченаго* – как мн. ч., *пицами* – как вин. п., *пѣснь* – как род. мн.; в лемме *невѣдѣннѣ* после *д* должен быть *ѣ*, а в форме мн. *въста*, согласуемой с существительными ср. рода *лѣта* и *цѣта*, не может быть флексии *-а* (в издании правильно); ошибочны и глаголические написания *мѣтъѣжъ* вместо *-ѣжъ*, *пѣтъѣжъ* вместо *пѣтъѣжъ* (определено как «перфект»); глаголические аналоги основы *пѣтъѣжъ* регулярно пишутся как *пѣтъѣжъ* (при возможных *пѣтъѣжъ*, как везде в издании, либо *пѣтъѣжъ*), а в формах причастия *пѣтъѣжъ* – вместо глаголической *ѣ* постоянно печатается *т*. Впрочем, глаголические написания вообще избыточны опечатками, вроде четырехкратного пропуска начального *ѣ* в *ѣжъкама*, превращения *ѣжънаго* в *ѣжънаго*, а *ѣжъножъ* – в *ѣжъножъ* или загадочного *шкѣпѣтъѣжъ* vs. кириллического *шкѣпѣтъѣжъ*. Но особенно замечательно набранное кириллицей толкование к глаголу *пѣтъѣжъ* *ꙗко* – *грозъ морѣ тѣтъ олѣ*, т. е. *grow more than old*...²³

Подведем итоги. Трехтомное издание Скитского патерика, вкупе с публикацией полной коллации разночтений, знаменует завершение огромной многолетней работы У. Федера над одним из древнейших славянских переводных памятников, имеющим богатую письменную историю. Этот титанический труд, который необходимо оценивать комплексно, т. е. именно как соединение издания с коллацией, характеризуется одновременно детальностью и небрежностью, избыточностью и неполнотой. Благодаря компьютеру, дифирамбы которому заполняют полстраницы Предисловия (I, 7, 9), рабочий инструмент исследователя – коллация разночтений – не просто стал достойным читателя, но подменил лингвистически информативное и разумно экономное издание. Эта коллация отнюдь не представляет собой альтернативу пресловутому «кладбищу вариантов» (I, 7), но сама является ультрасовременным кладбищем или, точнее, многоэтажным колумбарием всех возможных разночтений, независимо от их лингвистической и текстологической значимости.

Позволим себе изобразить, как выглядели бы в критическом издании традиционного типа, столь чуждом У. Федеру, варианты фрагмента 4:1:1, приведенные в начале настоящей статьи. Коль скоро списки группы W признаются наиболее близкими к протографу перевода, в основу публикации данной апофтегмы мы положили бы наиболее полный из них – W⁶ (болгарский список 1346 г.), оговорив в предисловии, что чтения основного списка, восходящие, по нашему мнению, к протографу, особо не выделяются, а чтения других списков, восходящие к протографу, подчеркиваются:

²³ На фоне сложностей, которые составление словоуказателя вызывает даже у высококвалифицированного филолога, изумительно наивным выглядит представление неспециалиста о том, что указатели – «заслуга не столько лексикографов, сколько программистов» [Буланин 2014: 19]. К сожалению, знание грамматики и понимание древнего текста запрограммировать невозможно – но чтобы постичь эту простую истину, необходимо издать хотя бы один памятник...

Братна приѣж къ ѿѿѿ аѿгонни ѿ скита.

Ἀδελφοὶ παρέβαλον τῷ ἀββᾷ Ἀντωνίῳ ἀπὸ Σκῆτεως.

приѣж: = W⁵; W^{2, 8} -дѣж; A³ -доша, W³ -шж, B^{1, 2, 4, 5}, O, I^{1, 2}, K², C¹⁻⁴ придоша. ѿѿѿ: = др. сп., кроме W² аѿѿ. аѿгонни: = др. сп., кроме W² анд-. скита: = др. сп., кроме I^{1, 2} скѣта, W² скѣта.

(Разумеется, перечисление списков можно было бы сократить, указав при каждой апофтегме, в каких списках она представлена, и вместо ряда «B^{1, 2, 4, 5}, O, I^{1, 2}, K², C¹⁻⁴» просто пометать «др. сп.».)

Думается, что при такой подаче материала сохранилась бы вся информация, ценная как для истории текста, так и для языка отдельных списков, а внимание читателей не отвлекалось бы на бесконечное повторение однотипных написаний и на ненужные детали (например, ἱ vs. и или пропуск редуцированных в рукописях XV в.).

Уильям Федер избрал иной путь. Подготовленное крупнейшим голландским па-леославистом издание *textus receptus* и *textus reconstructus* Скитского патерика может быть оценено как интересная попытка создать старославянский текст исходя из априорных идей. К сожалению, кириллическая часть издания, вопреки сформулированным в I томе принципам, во многих пунктах демонстрирует не древнейшие зафиксированные формы, а умозрительные архаизированные конструкторы либо записанные по нормализованной орфографии инновационные (в лучшем случае, а порой и просто невысказанные) образования. При неполноте письменной фиксации текста Патерика неизбежная ориентация на конкретные списки, сохранившие те или иные апофтегмы, приводит к воссозданию лингвистически противоречивого, нередко анахроничного целого. Пользоваться таким изданием в лексикографических и особенно в историко-грамматических целях сложно. Глаголический же текст представляет собой продукт чистого произвола, попросту говоря, реконструкционную фикцию: эти экзерсисы, вдвое увеличивающие объем III тома, отражают исключительно рефлексию издателя относительно того, как должен был выглядеть старославянский язык первоучителя Мефодия. В результате мы получаем выхолощенный, лишенный лексической синонимии и грамматической вариативности псевдостарославянский текст. В целом труды по реконструкции глаголического протографа «отеческих книг» вызывают в памяти состоявшуюся несколько лет назад в Афинах выставку Праксителя – т. е., конечно, не произведений самого великого ваятеля, а многочисленных античных реплик его скульптур. Едва ли не каждая из этих реплик – выдающееся произведение греческого или римского искусства; но кому же придет в голову рассматривать как подлинное искусство и тиражировать современную реконструкцию шедевров Праксителя?

Наиболее ценным в трехтомнике является словоуказатель: если абстрагироваться от его фантазийной глаголической части и от грамматических помет, этот индекс нельзя не приветствовать как важное пособие по лексике старославянского языка. В то же время конкретные кириллические формы, приведенные в указателе, далеко не всегда отражают реальность: для установления непрепарированных чтений исследователю придется обращаться за цитатами не к *textus receptus*, а к коллажи вариантов. Важнейшим упущением индекса является отказ от приведения греческих параллелей к каждой форме, ставшего уже правилом для любого квалифицированного издания древнеславянских текстов. Безусловным *desideratum* остается греческо-славянский словоуказатель. Только путем сравнения наиболее вероятных славянских проточтений с наиболее надежными греческими параллелями филологи смогут прийти к обоснованным выводам о принципах и качестве славянского перевода Скитского патерика, а после сопоставления с другими древнеславянскими переводами – и о его авторстве²⁴.

²⁴ Работа выполнена в рамках поддержанного Российским гуманитарным научным фондом проекта № 13-34-01009а «Древнерусские рукописи XII в.: исследование и подготовка к изданию».

Автор признателен Л.В. Прокопенко за ценные замечания, учтенные при доработке статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев 1999 – А.А. Алексеев. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
- Аникин – А.Е. Аникин. Русский этимологический словарь. Вып. 1–7. М., 2007–2013.
- Буланин 2014 – Д.М. Буланин. Текстология древнерусской литературы: ретроспективные заметки по методологии // Русская литература. 2014. № 1.
- Вайан 1952 – А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
- Ван-Вейк 1957 – Н. Ван-Вейк. История старославянского языка. М., 1957.
- Дыбо 1981 – В.А. Дыбо. Славянская акцентология: Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.
- Дыбо 2000 – В.А. Дыбо. Морфонологизованные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис. Т. 1. М., 2000.
- Жолобов, Крысько 2001 – О.Ф. Жолобов, В.Б. Крысько. Двойственное число. М., 2001. (Историческая грамматика древнерусского языка. Т. II.)
- Зализняк 2011 – А.А. Зализняк. Труды по акцентологии. Т. 2: Древнерусский и старовеликорусский акцентологический словарь-указатель (XIV–XVII вв.). М., 2011.
- Иорданиди, Крысько 2000 – С.И. Иорданиди, В.Б. Крысько. Множественное число именного склонения. М., 2000. (Историческая грамматика древнерусского языка. Т. I.)
- Истрин 1920–1930 – В.М. Истрин. Книги временныя и образныя Георгия мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Т. 1–3. Пг.; Л., 1920–1930.
- Йовчева 2009 – М. Йовчева. Об одной словообразовательной модели в ранних гимнографических текстах (глаголы с суффиксами *-ова/-ва*) // Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina: Festgabe für Hans Rothe zum 80. Geburtstag. München; Berlin, 2009.
- Крысько 2005 – Ильина книга: Рукопись РГАДА, Тип. 131. Лингвистическое издание, подготовка греческого текста, комментарии, словоуказатели В.Б. Крысько. М., 2005.
- Крысько 2006 – В.Б. Крысько. Исторический синтаксис русского языка: Объект и переходность. М., 2006.
- Крысько 2013 – В.Б. Крысько. Древнеславянский канон в честь Кирилла Философа: итоги исследования // Известия РАН. 2013. № 3.
- Кузнецов и др. 2006 – А.М. Кузнецов, С.И. Иорданиди, В.Б. Крысько. Прилагательные. М., 2006. (Историческая грамматика древнерусского языка. Т. III.)
- Люсен 1995 – И. Люсен. Греческо-старославянский конкорданс к древнейшим спискам славянского перевода евангелий (codices Marianus, Zographensis, Assemanianus, Ostromiri). Uppsala, 1995.
- Матвеевко, Щёголева 2006–2011 – В. Матвеевко, Л. Щёголева. Книги временныя и образныя Георгия Монаха: В 2 т. М., 2006–2011.
- Михеев 2012 – С.М. Михеев. 22 древнерусских глаголических надписи-граффити XI–XII веков из Новгорода // Slovo. 2012. Sv. 62.
- Мушинская и др. 2009 – Изборник 1076 года. 2-е изд., перераб. и доп. / Изд. подгот. М.С. Мушинская, Е.А. Мишина, В.С. Голышенко. Т. 1–2. М., 2009.
- Николаев 1987 – Н.И. Николаев. Патерик Скитский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI – первая половина XIV в.). Л., 1987.
- Пенкова 2008 – П. Пенкова. Речник-индекс на Синайския евхологий. София, 2008.
- Пичхадзе, Макеева 2008 – «Пчела»: Древнерусский перевод / Изд. подгот. А.А. Пичхадзе и И.И. Макеева. Т. 2. М., 2008.
- Пролог 2010 – Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль. Т. 1: Текст и комментарии / Изд. подгот. Л.В. Прокопенко, В. Желязкова, В.Б. Крысько, О.П. Шевчук, И.М. Ладыженский. М., 2010.
- Пролог 2011 – Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль. Т. II: Указатели. Исследования / Изд. подгот. В.Б. Крысько, Л.В. Прокопенко, В. Желязкова, И.М. Ладыженский, А.М. Пентковский. М., 2011.
- РГЦ – Речник на грчко-црковнословенски лексички паралели / Ред. М. Аргировски, соработ. Н. Андријевска, А. Ѓуркова. Скопје, 2003.
- СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–10. М., 1988–2013.
- Семенов 1893 – В. Семенов. Древнерусская Пчела по пергаменному списку. СПб., 1893. (Сб. ОРЯС. Т. LIV. № 4.)
- СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29. М., 1975–2011.

- Соболевский 1910 – *А.И. Соболевский*. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910.
- Срезневский – *И.И. Срезневский*. Словарь древнерусского языка: Репринт. изд. Т. I–III. М., 1989.
- ССС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.
- Супр – *Й. Заимов, М. Капалдо*. Супрасълски или Ретков сборник. Т. 1–2. София, 1982–1983.
- Усп. сб. – Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон. М., 1971.
- Фасмер – *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1986–1987.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 1–38–, М., 1974–2012–.
- АНГ – *Analecta hymnica graeca e codicibus eruta Italiae inferioris* / Ed. by J. Schirò. Т. I–XIII. Roma, 1966–1983.
- Christians 2001 – *Wörterbuch zum Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember slavisch – griechisch – deutsch nach ostslavischen Handschriften des 12. und 13. Jahrhunderts mit einem Glossar griechisch – slavisch* / Bearb. v. D. Christians. Wiesbaden, 2001.
- Diels 1932 – *P. Diels*. Altkirchenslavische Grammatik. Т. 1. Heidelberg, 1932.
- Eichner, Reinhart 1991 – *H. Eichner, J. Reinhart*. [Rec.:] Etymologický slovník jazyka staroslověnského, 2: blagъ – dělo... Praha, 1990 // Wiener slavistisches Jahrbuch. 1991. Bd 37.
- Eichner, Reinhart 2001 – *H. Eichner, J. Reinhart*. [Rec.:] Etymologický slovník jazyka staroslověnského, 10: obrěsti – patěna... Praha, 2000 // Wiener slavistisches Jahrbuch. 2001. Bd 47.
- Kałużniacki 1896 – *Actus epistolaeque Apostolorum palaeoslovenice* / Ad fidem codicis Christinopolitani saeculo XII° scripti ed. Ae. Kałużniacki. Vindobonae, 1896.
- LÄ – *Lexikon der Ägyptologie*. Bd II. Wiesbaden, 1977.
- LS – *H.G. Liddell, R. Scott*. A Greek-English Lexicon / Rev. and augm. by H.S. Jones. Oxford, 1996.
- Marti 2000 – *R. Marti*. Die Bezeichnung der Vokale in der Glagolica // H. Miklas (Hrsg.). Glagolitica: Zum Ursprung der slavischen Schriftkultur. Wien, 2000.
- Marti 2004 – *R. Marti*. Die Bezeichnung der Konsonanten in der Glagolica // M.-A. Dürrigl, M. Mihaljević, Fr. Velčić (eds). Glagoljica i hrvatski glagolizam. Zagreb, 2004.
- Miklosich – *F. Miklosich*. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862–1865.
- PVL – *The Pověst' vremennykh lét: An interlinear collation and paradosis* / Comp. and ed. by D. Ostrowski; ass. ed. D.J. Birnbaum; senior cons. H.G. Lunt. Pt. 1–3. Harvard, 2003.
- SJS – *Slovník jazyka staroslověnského*. Т. I–IV. Praha, 1956–1997.
- Smith 1854 – *W. Smith* (ed.). Dictionary of Greek and Roman geography. V. 1. Boston, 1854.
- Veder 2006 – *W.R. Veder*. The collation of the witnesses to the Scete patericon // Полата књигописна. 2006. № 36 // <https://kb.osu.edu/dspace/handle/1811/24008>.
- Veder 2014 – *W.R. Veder*. Recoding: The eight homilies attributed to Cyril of Turov // Dutch contributions to the Fifteenth international congress of slavists, Minsk, August 20–27, 2013: Linguistics. Amsterdam; New York, 2014.

Сведения об авторе:

Вадим Борисович Крысько
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
vbkrysko@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 30.01.2014.